

Мария Фомальгаут
Воспоминание о Вальсе

Мария Фомальгаут
Воспоминание о Вальсе

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Воспоминание о Вальсе / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934933-0

Орлой приходит в себя, Орлой думает, кто он, что он, вспоминает, что он — Орлой, и время показывает. Ну, конечно, не только Орлой, еще и кнедлики, еще Совиная Мельница, еще две башни, еще Вепрево Колено, еще фигуры из стекла, еще три черта со скрипками, еще дефенестрация, еще много еще чего...

ISBN 978-5-44-934933-0

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Безбенная осень	6
Существа	11
Честер-Честер	13
Убийство сюжета	18
Неправильное время	20
Две минуты на Эдит	22
Третий с половиной этаж	25
Лестница – нет	27
Закованный огонь	29
Письма неизвестному другу	32
Четвертая луна	35
4	35
1	37
2	40
3	42
5	44
Две страницы	46
Моя линия	48
Кусочек Лондона	50
Воспоминание о Вальсе	51
Башня до бури	55
Город с качелькой	58
0	58
1	59
2	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Воспоминание о Вальсе

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

ISBN 978-5-4493-4933-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Безбенная осень

Высветилась полная луна.
Осень в этом году безлунная.
Лунная осень – но безлунная.
Так думает Бен.

Бен смотрит и думает, какая будет осень – такая или такая. Будет осень луны или осень без луны. Потому что это совсем-совсем-совсем разные осени. Осень Луны – она трепетная, радостная, наполненная восторженным ожиданием. Осень без Луны – она мрачная, она отчаянная, она такая, что надо смириться, просто смириться, пережить, просто пережить это безлунье, как смирится, как пережить, легко сказать, невозможно сделать...

Бен смотрит на осень, выбирает осень – лунную или безлунную. Потому что осени на выбор две, а осень одна, разывается осень на части, не знает, какой ей быть. Бен думает, где осень разывается – в его сознании или по-настоящему, и что будет, когда осень рассыплется на куски, – Бен сойдет с ума или разлетится вдребезги весь этот мир...

Укажите ваше имя.
Укажите ваши места работы.
Посещали ли вы раньше Луну?

Бен думает, сколько в следующем году у него будет осеней. Если на Луну не пустят, осень будет одна. Безлунная – но осень. А вот если пустят, то у Бена может получиться две осени, сначала осень на земле, потом осень на луне. Это если Бена позовут на Луну зимой. Или вообще не получится ни одной осени, потому что Бена позовут на Луну как раз осенью, когда на Луне еще лето.

И вот это тоже убивает Бена, что он не знает, сколько у него будет осеней. Бен думает. Можно сначала пережить осень на Земле, потом осень на Луне, потом вернуться на Землю, но уже на другую сторону, там осень, потом снова на Луну, только уже на обратную сторону Луны, там тоже осень... И будет у Бена всегда осень.

...мы рассмотрели ваше заявление, и у нас возникли следующие вопросы относительно ваших данных:

Вы уверяете, что родились в 1859 году, что никак не может соответствовать истине, потому что сейчас 2049 год, а это значит, что вас просто не может быть в живых.

Далее Вы пишете, что были убиты в 2030 году, что так же не может соответствовать истине, потому что Вы живы сейчас.

В связи с этими и другими данными мы вынуждены отказать Вам в разрешении на посещение Луны.

С уважением, мистер Клок.

Бен всё понимает.
Осень будет безлунная.
Все-таки пишет опровержение, сам не знает, зачем.

...от вас могут потребовать доказательства: например, если вы скажете, что работаете, у вас могут спросить, с чего начинается ваш рабочий день, что вы делаете, когда приходите на работу.

Бен задумывается. Представляет себе, как он ответит:

– Я не прихожу на работу. Я всегда на работе.

– С чего начинается ваш рабочий день?

– Он не заканчивается.

Мистер Клок задумывается, мистер Клок не верит, что-то тут не сходится, темная лошадка этот Бен, очень темная, что-то замышляет этот Бен, понять бы еще, что. Мистер Клок спрашивает:

– Вот здесь указана ваша деятельность до две тысячи тридцатого года... чем вы занимались с тридцатого года по настоящее время?

Бен мнется, Бен не знает, что ответить.

Вы что-то скрываете?

Послушайте, я правда не знаю.

Клок сворачивает воображаемый разговор. Думает, кто он, мистер Клок, который представил себе Бена, или Бен, который представил себе мистера Клока. Не знает.

Мистеру Клоку не нравится Бен, темная лошадка этот Бен, очень темная. И в то же время – нравится. Мистер Клок любит тайны, мистер Клок всю жизнь мечтал о тайнах, пусть этот Бен задумает что-то плохое, а мистер Клок его разоблачит, и мистеру Клоку будет почет и уважение. Или, наоборот, Бен попал в беду, а мистер Клок ему поможет и разоблачит злодеев, из-за которых пострадал Бен. Или... или много еще всяких «или».

Клок не знает, какая в этом году будет осень, осень хорошего Бена или осень плохого Бена. Осень плохого Бена, она простая и понятная, ровная и гладкая, светлая и чистая, Бен плохой, мистер Клок хороший. А осень хорошего Бена будет темная и мутная, и ничего в ней непонятно будет.

Мистер Клок пишет ответ:

Вынужден отказать Вам в праве посещения Луны в связи с тем, что вы не существуете, поскольку на Земле согласно последним данным не осталось людей.

Задумывается. Размышляет, надо ли подписать – в связи с последней войной, или будет посолоннее – в связи с последними боевыми действиями. И про людей тоже как-то легкомысленно, надо – населения. Или – человечества. Или еще как...

Бен думает.

Осень будет безлунная.

И следующая.

И следующая.

И сле...

И все-все.

Или все-таки нет.

Бен пишет ответ, смотрит на осень, на облетающие листья, осень рассыпается напололам, осень не знает, какая она будет – осень с луной или осень без луны, бедная, бедная осень, что ей делать...

– Ну, конечно же! – мистер Клок хлопает себя по лбу, – как я мог не догадаться! Ведь на Земле не осталось людей! Вы не человек!

– Ну да... прошу прощения, там нигде не просили указать, что я не человек...

Ничего страшного... мне следовало проверить... – мистер Клок делает широкий жест, – добро пожаловать на Луну!

Бен осторожно входит на Луну, долго вытирает ноги, ищет, куда повесить пальто, не сразу спохватывается, что у него нет никакого пальто, потому что он не человек...

Мистер Клок показывает Бену луну, глубокие кратеры, лунные города, Море Ясности, а это вот прямая стена, нет, это не люди сделали, это она сама...

Бен осторожно спрашивает:

– А что... на Луне... больше нет никого?

– Увы, – мистер Клок сокрушенно вздыхает, – к сожалению, да.

Мистер Клок просыпается. Бена нет, еще бы был какой-то Бен, Бен там, на Земле, понять бы еще, что это за Бен, и что за осень будет, осень хорошего Бена или осень плохого Бена....

Утром осень ненадолго становится осенью луны – ровно до обеда, а потом как-то резко переходит в осень без луны, когда Бен ждет письма, ждет ответа от мистера Клока, ответа нет. В два часа пополудни ненадолго появляется лунная осень – когда приходит письмо, но тут же осень становится безлунной, когда Бен видит, что это браузер поздравляет его с днем рождения.

Еще с детства я знал, что буду разгадывать тайны, находить ответы на неразрешимые вопросы: возможно, именно поэтому я решил работать в миграционном отделе...

(из ненаписанной автобиографии мистера Клока)

Мистер Клок спускается в архив, воровато оглядывается, мистер Клок понимает, что его не ждут в архиве, ему нельзя в архив, мистер Клок ждет, что сейчас кто-нибудь распахнет дверь, крикнет торжествуяще – ага, попался! – и Клок даже ненадолго забывает, что он один на Луне, совсем один. Перебирает воспоминания, одно, два, тысячу, находит...

Второй круг, второй круг, второй круг...

...требуем немедленного приземления...

Это Бену говорят.

...обвиняется в гибели последних выживших...

...Это про Бена говорят.

Клок понимает. На Клока наваливается осень плохого Бена, осень спокойная, ясная, размеренная, когда хороший мистер Клок разоблачил плохого Бена. Осталось немного, совсем немного – вычислить Бена, где он там, на Земле, а то Земля-то большая, а Бен маленький, ищи-свищи этого...

...стоп.

Бен.

Беджамин.

Мистер Клок открывает энциклопедию, перебирает Бенджаминов, Бенджаминов, Бенджаминов, спохватывается.

Франклин.

Ну, конечно, кто же еще.

Стоп-стоп, какой Франклин, какой Бенджамин, его давно уже в живых нет, давным-давно...

А вот.

Памятник.

Ну, конечно же, памятник, как же мистер Клок сразу не догадался. Мистер Клок умный, мистер Клок с самого начала знал, что будет разгадывать секреты и расследовать тайны. Мистер

Клок выискивает на карте памятники, многонокко нашел, ну да ничего, мистер Клок знает, что делать...

Клоку становится страшно – всего на одно мгновение, когда он поворачивает ключ в замке и нажимает ПУСК.

Ничего не происходит. Оно и не должно ничего происходить, происходит где-то там, на Земле, где мертвая пустыня от побережья Флориды до Калифорнии становится еще более мертвой пустыней.

Мистер Клок осторожно вычеркивает имя:

Бен.

Осень хорошего Бена и осень плохого Бена рассыпаются в прах, и появляется третья осень, осень, которую никто не ждал, безбренная осень, которая еще сама толком не понимает, какой ей быть.

Мистер Клок ложится спать, зачем-то вертит в памяти воспоминание Бена, снижение, снижение, на второй круг, на третий круг, на пятый, на десятый...

Воспоминание.

Еще одно.

Мистер Клок сжимает воспоминание о втором круге, протягивает Бену, Бен повторяет:

Ничего... я его приберегу... теперь это будет мое воспоминание...

А ты-то как с ним...

...а ничего... переживу...

Мистер Клок спохватывается, мистер Клок хочет вернуть бенную осень, хоть доброго Бена, хоть злого Бена, неважно, да не будет никакой осени злого Бена, только доброго, только... только не будет осени доброго Бена...

Мистер Клок посылает запрос. Просто так. В никуда. Надеется на что-то, сам не знает, на что, осень вздрагивает, настораживается, думает, а не стать ли ей ненадолго бенной осенью, осенью хорошего Бена...

БЕН НА СВЯЗИ

Мистер Клок не понимает. Темная лошадка этот Бен, слишком темная, только что был мертвый, и нате вам, живехонек...

Бен? – спрашивает мистер Клок.

Бен, – отвечает Бен.

А полностью?

Биг Бен.

Мистер Клок хочет хлопнуть себя по лбу, тут же спохватывается, что у него нет лба. Ну конечно, как он мог не понять, это же никакой не Бенджамин, и не Франклин...

Безлунная осень как-то моментально становится осенью лунной, наваливается своей лунностью со всех сторон.

...Уважаемый Бен, приглашаем Вас в увлекательное путешествие на Луну...

Бен не заставляет себя долго ждать, сбрасывает штепсельный разъем, ключ на старт, продувает двигатель азотом, закрывает дренажные клапаны, убирает кабель-мачту...

Пуск...

Зажигание...

Вспыхивает топливо...

Контакт подъема...

Биг Бен отрывается от земли.

Рвется в облака.

Мистер Клок хочет открыть дверь, но вспоминает, что на Луне нет никакой двери.

Биг Бен хочет вытереть ноги у входа, но вспоминает, что у него нет ног, и входа нет, хочет повесить пальто, но тут же вспоминает, что пальто у него тоже нет.

Мистер Клок хочет показать Биг Бену луну, спохватывается, что...

...нет-нет, Луна есть.

А спохватывается мистер Клок, потому что смотрит на Биг Бена, а где часы у Биг Бена, а нету часов...

Мистер Клок хочет спросить про часы.

Смотрит на самого себя.

Не спрашивает.

Понимает.

Медленно встает на место циферблат, медленно поворачиваются шестеренки, движутся стрелки, гулкие удары нарушают тишину – бом-м-м-м, бом-м-м-м, бом-м-м...

Висит луна.

На луне башня.

На башне часы.

Пришла лунная осень.

Осень доброго Бена.

– Вы писали? – спрашивает редактор.

Откашливаюсь:

– К вашим услугам.

– Скажите, пожалуйста... вот вы называете башню Биг Беном...

– Ну да.

– А часы на башне у вас называются мистер Клок...

– Ну да.

– ...а известно ли вам, что на самом деле башня называется башней Елизаветы?

– Да?

– ...а Биг Беном называются как раз часы!

– М-м-м... не знал, не знал...

– Дальше... вот вы пишете про осень на луне...

Меня передергивает. Уже готовлюсь признаться, что на луне никогда не был, и не знаю, какая там осень.

– ...а вы в курсе, что на Луне нет осени, потому что лунная ось почти не наклоняется?

– Надо же...

– Откуда же вы родом, что не знаете таких элементарных вещей?

Понимаю, что меня раскусили. Жестко. Безжалостно.

Редактор повторяет:

– Откуда вы?

Существа

Виргиния – читает Джейми. Джейми умеет читать. Так называется наша земля, думает Джейми.

Мы называем их существами, говорит тетушка. Мы называем их существами, говорит дядюшка. Про них не говорят, говорит сестра. Про них не говорят, говорит старший брат. А где мама, спрашивает Джейми. А где папа, спрашивает Джейми. А их нет, говорит тетушка. А их нет, говорит дядюшка.

Собирают на стол. Сегодня день Благодарения, сегодня индейка будет. Прошел темный Самхейн, холодно стало, поднимаются над полями белые туманы, листья облетели. Тетушка волнуется, что дособирали урожай с поля после Самхейна, как бы чего не случилось. Дядюшка говорит, что все будет хорошо. Дядюшке можно верить.

Через много лет история будет вспоминать, как первые поселенцы переживали первые зимы – думает старший брат. Про нас будут говорить, думает старший брат. Выходит в поле убрать пугало до первого снега. Возвышается черный силуэт мельницы на фоне полной луны.

Сестра помогает тетушке убирать посуду после ужина, вспоминает, что не сняла простыни во дворе. Выходит в темноту двора, простыни хлопают на ветру.

Крик в темноте ночи.

Тетушка вздрагивает.

Дядюшка хватается ружье. Старший брат хватается ружье. Оба бегут в темноту прочь из дома. Тетушка закрывает лицо руками.

А где сестра, спрашивает Джейми. А где дядюшка, спрашивает Джейми. Тетушка молчит, кусает губы. Старший брат рубит дрова во дворе.

Мы называем их существами, говорит лавочник. Мы называем их существами, говорит мельник. Мы называем их существами, говорит священник. Они приходят по ночам, говорит мельник. Они приходят по ночам, говорит лавочник. Кто-то поговаривает, что надо вернуться. Кому-то говорят, что обратной дороги нет. Остов корабля возвышается на фоне заката, еще видны буквы – Мэйфлауэр. Мэйфлауэр – читают люди. Мэйфлауэр – читает Джейми, учится читать. Обещали корабли, говорит священник. Обещали корабли, говорит булочник. А уже полтора года, как кораблей нет, говорит тетушка Салли. Полтора года нет, говорит тетушка Бетти.

...когда прибыли корабли, в колонии не оказалось никаких следов жителей кроме останков одного человека. Что случилось с первыми поселенцами, не известно до сих пор. Так думает дядюшка, тут же гонит от себя эти мысли.

Ночь сгущается над Джеймстауном. Люди расходятся по домам, включают телевизоры, Джейми просит планшет, тетушка не велит планшет. Тетушка показывает Джейми звездочку над мельницей, говорит:

Земля.

Джейми радуется, вот теперь если школьный учитель спросит, что там за звездочка, Джейми скажет:

Земля.

Мы называем их существами, говорит тетушка. Мы называем их существами, говорит старший брат. Люди снова посылают сигнал на Землю, снова ждут ответа, не дожидаются.

А мы переживем зиму, спрашивает Джейми. А мы переживем зиму, спрашивает тетушка. А это от автора зависит, говорит священник. А кто наш автор, спрашивают люди. А неизвестно, говорит священник. Разве не создал нас автор по образу и подобию своему, спрашивают люди. Да кто же его знает, говорит священник. Если автор окажется таким же, как мы, значит, он за нас, значит, можно не бояться, переживем зиму. А что может быть еще, спрашивают люди.

А он может быть такой, как существа. Людям страшно, люди закрывают на ночь ставни. Ближится Сочельник близится Йоль, жрецы собираются на холме, священник смотрит на них, недовольно качает головой. Жрецы чертят руны, смотрят в неведомое. Возвращаются в городок, говорят – все в порядке. Видели автора, создал он нас по образу и подобию нашему. Городок ликует, люди выходят из домов, празднуют веселое Рождество, брат елку принес, Джейми елку наряжает, тетушка готовит пудинг и сосиски с клюквой.

Наступает ночь.

...когда прибыли корабли, в колонии не оказалось никаких следов жителей кроме останков одного человека. Что случилось с первыми поселенцами, не известно до сих пор.

А почему так, спрашивает Джейми, вернее, уже не спрашивает. А почему так, спрашивает тетушка, вернее, уже тоже не спрашивает. Автор же создал нас по образу и подобию своему. Создал, отвечают жрецы, вернее, уже не отвечают. А кто сказал, что он должен быть на нашей стороне, говорят жрецы, вернее, уже не говорят. А на чьей стороне. Мы называем их существами, говорит дядюшка, вернее, уже не говорит. Мы называем их существами, говорит тетушка...

Честер-Честер

Глэдис стоит за спиной. Я не вижу, но знаю – стоит за спиной. Смотрит мне в спину. Она не набросится, говорю я себе, не кинется, не сожмет мне горло, как раньше, уже прошли времена, когда она старалась придушить меня. Теперь все будет хорошо, говорю я себе. Теперь все будет хорошо.

Глэдис кладет руки мне на глаза, я вижу комнату сквозь её ладони. Всё-таки смеюсь (делаю вид, что смеюсь), закрываю её ладони своими:

– Ку-ку.

Оборачиваюсь, встречаюсь взглядом с пустыми глазницами Глэдис. Она молчит. Она всегда молчит с того дня. Но сегодня, вроде, в настроении. Осторожно протягиваю руки к маленькому Дэнни – если даст подержать Дэнни, точно в настроении.

Обнимаю Дэнни, Дэнни тянется красной осклизлой ручонкой к моей цепочке для часов, хочу спросить, где все его игрушки, не спрашиваю, вынимаю, отдаю часы...

...дверной колокольчик одергивает нас всех, Дэнни всхлипывает, Глэдис шипит, это она умеет, шипеть. Знаками, знаками показываю, что мне тоже очень жаль, что я, вроде, никого не ждал, ну что поделать, пришли, так пришли, куда деваться...

Открываю, смотрю на хорошо одетого молодого франта, молодой франт смотрит на нас, судорожно хватается за воздух, делает шаг назад, хочет бежать. Беги, беги, думаю про себя, все-таки добавляю несколько дежурных фраз про не бойтесь и все хорошо.

– Э-э-э... я слышал... вы раскрываете преступления?

– Да, к вашим услугам, – отступаю назад, – проходите пожалуйста.

Делаю Глэдис отчаянные знаки, ты бы, хоть, отступила, что ли, или нет, послать её, что ли, на кухню, сделать гостю чай, или не надо, не будет гость такой чай, который заваривала Глэдис...

– Собственно, в чем дело... отца у меня убили.

– Вы уверены... что это именно убийство?

Молодой франт посмеивается:

– Ну, знаете ли, пулевое ранение не может быть чем-то другим.

Глэдис мотает головой, что-то подсказывает, подхватываю её мысль:

– А может... он сам?

– Его убили из дробовика с улицы. Я хочу знать, кто это сделал.

– Пожалуй, нам придется взглянуть на место преступления.

– Да, конечно же... вы поедете прямо сейчас?

Киваю. Передаю Дэнни Глэдис. Молодой франт оторопело смотрит на Глэдис, как она парит за мной по воздуху, не сразу понимает, что «мы» относится к нам ко всем, и Глэдис тоже поедет с нами, вон она кутается в норковое манто, торжествующе ликую, ага, понравилось все-таки, и шляпка ей понравилась...

– Ну, привет.

Говорю тебе – ну, привет, – ты молчишь. Ты всегда молчишь. Думаю, это ты обиделась, или ты теперь не можешь говорить. Нет, все-таки обиделась, еще бы не обиделась, в правом крыле стучат, сверлят, грохочут, ну что ты, родная, тебе же лучше будет, дом отремонтируют, уютно станет, я туда уже мебель заказал, а старые кресла оставим, и столик тоже. Разворачиваю рекламный проспект, показываю детские кроватки, выбирай любую, ты сердисься, ты разрываешь бумагу на клочки. Меня прошибает холодный пот, не к месту и не ко времени вспоминаю, что ты можешь и бумагу разорвать, и швыряться мебелью, и шею мне свернуть...

Развожу огонь в очаге, ты подбираешься поближе. Думаю, что для тебя значит огонь, или ничего не значит, может, тебе тепло нужно, может, еще что-то. Ловлю твою руку, холоднее самого льда, бормочу что-то, что холодно же, хочу набросить на тебя шаль, ты отскакиваешь, отвечаю что-то, что ты хоть сына нашего пожалей, ему же холодно – я так и не успел заметить, кто это, но мне почему-то кажется, – сын...

Думаю, надо потихоньку сказать тебе, что скоро ремонтники и в это крыло переберутся – успеть до настоящих холодов, до снегопадов, хорошо хоть осень затянулась в этом году. Ты сердисься. Я так и знал, что ты будешь сердиться, ну да ничего, тогда ты тоже сердилась, когда мастера в дом пришли, стали убирать мусор, ставить окна, покрасили лестницы, сорвали обои, ты сердилась, а я показывал тебе каталог, вот, я нашел такие же обои, такие же, все здесь будет хорошо...

Мне не меньше тебя хочется, чтобы здесь все было, как раньше. Особенно в наших комнатах в мансарде. Я даже кресла там оставлю, только обивку поменяю, хорошо? Оглядываю обшарпанную комнату, хватаю шпатель, соскабливаю то, что осталось от штукатурки, чтобы успокоиться. Кажется, тебе нравится, ты подбираешься ко мне, тоже начинаешь соскребать штукатурку, переглядываюсь с тобой, как раньше, как в детстве, – обстановка начинает неуловимо разряжаться. Ты спохватываешься, ты набрасываешься на меня, сжимаешь мое горло, еще пытаюсь отбиваться, как в детстве возились на ковре, и нянечка ворвется, завизжит, эт-то ш-што т-т-такое, – понимаю, не игра, не игра, еще пытаюсь вырваться, мир меркнет...

...экипаж замирает возле дома, покачивается на рессорах. Выходим все четверо, прохожие оглядываются на Глэдис, кто-то кричит, кто-то кого-то успокаивает, да это же чета Черри-Джемов, а вы про них не слышали, да что вы, да весь город говорит... Кто-то осторожно спрашивает, а не пьет ли она кровь, кому осторожно отвечают – нет, нет, что вы. Подходим к дому, не дом, настоящий замок, прошу показать мне окно, в которое стреляли, молодой франт показывает неприметное окошко в башне, Глэдис парит над землей, поднимается к окну, просачивается в комнаты сквозь стены, что она там ищет, здесь надо искать, в саду вокруг дома, где прятался убийца с ружьем, если он вообще прятался здесь, а не в доме напротив. Оглядываю заросли, верно, стрелять отсюда довольно удобно, но что-то не сходится, что-то, что-то, что-то... А, ну да, я же не вижу, что там в окне, за стеклом, видно только отражение неба. Надо будет спросить, горел свет в тот вечер, когда убили хозяина. Спыхватываюсь, что потерял молодого франта, ах да, кажется, он вошел в дом, спешу на крыльцо, в прихожую, в зал с двумя изогнутыми лестницами, по шахматному клетчатому полу, а вот он, мой заказчик, под аркой целуется с молоденькой барышней, вот те на...

Молодой франт смущается, барышня краснеет, мой заказчик неловко представляет мне свою кухню, осторожно шепотом просит, вы уж как-нибудь постарайтесь, чтобы кухня моя супругу вашу не видела, впечатлительная она у меня барышня... вовремя сказал, вот уже спешит ко мне моя благоверная, несет треснувшую табакерку, собирает улики.

- Там никто не живет, – повторяет прохожий.
- Он смотрит на прохожего, добавляет еще полсоверена.
- Туда нельзя идти, – добавляет прохожий.
- А что такое?
- Дурное место там... дурное...
- Приют там, что ли? Наркоманы какие...
- Да нет...
- А что?
- Да... нечисто там.
- Ну, конечно, дом заброшен, убирать там надо...

– Да нет...

Он добавляет еще соверен.

– Призрак там...

– ...это вы убили отца.

Смотрю на молодого франта, повторяю:

– Это вы убили отца.

Ожидаю чего угодно – возмущенного «Да как вы смеете!», нервного смешка, спокойного – «Каковы ваши доказательства», уже готовлюсь выскочить за дверь, если он вытащит оружие, уже готовлю какие-то аргументы, а вот вы вышли из гостиной в половине пятого, спустились в сад, и...

...ничего подобного.

Молодой щеголь откашливается:

– Ну, мы же не хотим, чтобы об этом узнали, правда?

– Простите?

– Ни вам, ни мне это не нужно... верно ведь?

– В смысле?

– Тысяча фунтов вас устроит?

– Что вы имеете в виду?

– А полторы?

– Но...

– Сэр, посудите сами, что вы получите, если разоблачите меня? Очередную благодарность от полиции. Пару строк в газете. И все. А полторы тысячи на дороге не валяются.

Уже готовлю фразы – Да как вы смеете, да за кого вы меня принимаете, наконец-то эти слова пригодились мне в жизни. Краем глаза замечаю Глэдис, она делает мне отчаянные знаки, кивает, соглашайся, соглашайся. Я взглядом показал ей, что о согласии не может быть и речи – Глэдис заметалась по комнате, изображая отчаяние, и даже сделала вид, что хочет выбросить маленького Дэнни в окно – я знал, что с Дэнни ничего не случится, упади он хоть с самой высокой башни, но все равно я понял, что Глэдис рассержена, и очень сильно.

– Х-хорошо, – ответил я, – я... мы... мы согласны.

Вот и отлично, я знал, что умные люди всегда могут договориться, – он крепко пожимает мне руку, меня передергивает. Сегодня в нашей паре с Глэдис моя очередь обижаться. Или, по крайней мере, потребовать объяснений. И что-то мне подсказывает, что объяснений не будет...

Он входит в дом, который ему указали. Он понимает, что идет навстречу своей гибели – но чувствует, что ему уже все равно. Зброшенный дом встречает мрачным молчанием, две изогнутые лестницы поскрипывают почему-то сами по себе, опавшие листья осыпают клетчатый пол...

Он поднимается по лестнице на второй этаж, и дальше, в мансарду, там все осталось как было, только обивка на креслах поистрепалась, штукатурка обсыпалась, и листья, листья, кругом листья из разбитого окна.

«– А давай на поезде уедем.

«– А давай.

«– А давай в Честер.

«– Ты чего, мы и есть в Честере!

«– А я в Че-е-е-стер хочу-у-у-у! Ма-а-ма-а-а-а!

Что-то тут есть. Совсем рядом. Или кто-то. Или не что-то и не кто-то. Он настораживается, он прислушивается к тишине осени, шорохи листьев сзади, ближе, ближе...

Он оборачивается. Смотрит на пустые глазницы, на спутавшиеся волосы, не сразу понимает, что существо перед ним парит в воздухе. И так же не сразу замечает маленький кроваво-красный комочек на руках существа, вздрагивает, бормочет что-то, что я наделал, что наделал...

Думаю, сказать Глэдис, что это она виновата, или нет. Нет, все-таки не говорить, да и вообще как-нибудь изловчиться, чтобы не брать её с собой. Осторожно доедаю бекон, осторожно завожу разговор, что погода сегодня скверная, морозы ударили к Сочельнику, нет ничего лучше, чем сидеть у очага, да и маленькому Дэнни вредны прогулки в такую погоду... Глэдис удивительно быстро соглашается, отпускает меня одного, как-то подозрительно быстро. Нет, вроде все в порядке, притерпелись, притерлись друг к другу, конечно, как в детстве уже не получится, но все равно хорошо...

Иду к экипажу, Глэдис выскальзывает из дома, ага, всполошилась... нет, набрасывает мне на плечи шарф, киваю, спасибо, спасибо, не бойся, не замерзну. Устраиваюсь в экипаже, констебль начинает что-то увлеченно мне рассказывать, слушаю краем уха, стараюсь собраться с мыслями...

– Так вы говорите... суицид?

– Да, застрелилась из дамского пистолета.

– Любопытно... сначала отец семейства, потом племянница... вы уверены, что она сама?

– Да, в этом нет сомнений, она оставила письмо...

– Но ведь и письмо можно подделать, не так ли?

– Разумеется... но здесь не остается сомнений... Дело в том, что покойный мистер Джем в завещании поделил все имущество между сыном и племянницей. Молодой мистер Джем соблазнил свою кузину, пообещал жениться... Уговорил её переписать на него все до копейки, а потом потребовал покинуть дом...

– Кажется, вы говорили, что у неё были родственники где-то в деревне?

– Были... Дело не в этом... разбитое сердце не склеишь... Кроме того, вскрытие показало, что она ждала ребенка...

– Вот оно что... – спохватываюсь, – но если вы все знаете, зачем вы меня позвали?

– Дело в том, что мерзавец бежал. Полиция ищет его, но безрезультатно, мы думали, хоть вы сможете найти негодяя...

– Есть хоть какие-то зацепки?

– Да... вот обрывок его квитанции на поезд...

Смотрю на маршрут, ничего не понимаю, Честер-Честер, как такое может быть.

Спыхватываюсь.

Понимаю, что знаю, где злодей.

И что мы его никогда не найдем.

«– А давай уедем далеко-далеко.

«– А давай.

Он спешит на поезд, он хочет зажать уши, чтобы не слышать голоса памяти. Сжимает в руке посадочный талон, Честер-Честер, почему Честер-Честер, ошибка какая-то. Неважно, неважно, уже все неважно, бежать, бежать, где не схватят, где не будет объявлений на столбах, разыскивается.

«– А давай на поезде уедем.

«– А давай.

«– А давай в Честер.

«– Ты чего, мы и есть в Честере!

«– А я в Че-е-е-стер хочу-у-у-у! Ма-а-ма-а-а-а!

Нет, нет, не вспоминать. Он вбегает в поезд, ветер подхватывает билет, рвет из рук, гонит по перрону, контролер хлопчет, ничего, ничего, я видел ваш билет, видел...

– Приехали, сэр.

...он выходит из поезда, оглядывается, не понимает, это Честер, нет, не Честер, или Честер, и в то же время не Честер, вот этого дома не было, а особняк Фишеров совсем обветшал, и маленькие улочки вымостили камнем...

«– А ты вырастешь, на мне женишься?»

«– Еще как женюсь!»

«– А не врешь?»

«– Еще чего, буду я врать...

Не думать, не думать, не вспоминать... он хочет просочиться гостиницу, не успевает, видит в конце улицы дом с пустыми глазницами окон, холодеет – будь он проклят, если не видел этот дом раньше...

– Скажите... кто живет в этом доме?

Оторопевший прохожий цедит сквозь зубы:

– Э-э-э... никто.

Он показывает прохожему сверен:

– Там никто не живет, – повторяет прохожий.

Он смотрит на прохожего, добавляет еще полсверена.

– Туда нельзя идти, – добавляет прохожий.

– А что такое?

Убийство сюжета

... после долгих безрезультатных поисков чего-то по-настоящему оригинального, я, наконец, решил отправиться подальше от столичной суеты на лоно природы – я присмотрел себе уютный дом на окраине небольшой деревушки – не дом, а настоящий замок с башенками, коваными воротами и винтовой лестницей. Я надеялся хоть здесь, наедине с подступающей осенью, найти подходящие сюжеты. В первый же день по приезду в дом мне попало два сюжета в старой лампаде – но они уже засохли от времени. Еще один сюжет лежал на пожелтевших страницах раскрытой книги, но он тоже был мертв.

Ближе к вечеру я решил прогуляться по окрестностям а заодно поискать интересную историю: ожидания меня не обманули, вскоре в чаще леса передо мной показался сюжет, достаточно свежий. Я вскинул ружье, но моя добыча пропала, будто её и не было вовсе. Солнце скрылось за холмами, стало быстро темнеть, потянуло холодком, и я поспешил к дому. По дороге назад мне пару раз виделось что-то в зарослях, похожее на сюжеты и фабулы, но возможно, это были просто птицы.

Добравшись домой, я принялся приводить в порядок доставшийся мне дом, и даже потихоньку поалел, что не нанял прислугу. Впрочем, хлопоты в доме помогли мне согреться, а к тому времени, когда я привел в порядок гостиную внизу и спальню на втором этаже, пламя камина согрело дом.

Он появился, когда я заканчивал уборку в большом зале, и решил снять со стены две выцветшие от времени картины, на которых уже невозможно было ничего разобрать. Тогда-то он и ворвался в дом, выхватил у меня из рук одну из картин, прижал к себе другую и закричал отчаянным голосом:

– Нет! Нет! Не трогайте! Отдайте... отдайте мне!

Я пожал плечами и бормотнул что-то вроде – забирайте, только потом посмотрел на убежавшего. Мне показалось, я брежу – потому что передо мной стоял сюжет, чуть сгорбленный, потрепанный, в уютном твидовом сюртуке.

– Вам... вам же они не нужны? – спросил сюжет.

– Нет.

– Тогда... вы позволите?

– Конечно, конечно, берите.

Сюжет бережно прижал к себе картины, на которых чуть виднелись очертания людей, обошел гостиную, оглядывая интерьер, наконец, устроился за фортепьяно и взял несколько аккордов. Я ждал – сам не знаю, чего. Пальцы сюжета заматались по клавишам, он начал играть Лунную Сонату, и, как показалось мне, играть довольно неплохо – но тут же с силой ударил по фортепьяно и начал колотить инструмент. Я хотел одернуть его – но сюжет сам успокоился, наткнувшись на мой изумленный взгляд.

– Я... я пойду, – сказал сюжет, прижимая к себе картины и тоскливо глядя на промозглую осень за окном.

Меня покорило.

– Что вы... оставайтесь, прошу вас...

Я хотел открыть сюжету комнату для гостей, но мой визитер облюбовал себе маленькую детскую под самой крышей, забрался в кровать и даже взял с собой плюшевый месяц, заявив, что это Мистер Мун. Там же на стене детской сюжет повесил портреты и прошептал – спокойной ночи, маменька, спокойной ночи, папенька – и снова встретился с мной взглядом.

– Вы... вы жили в этом доме? – спохватился я.

– Совершенно верно, – ответил он и тут же спохватился, – а на завтрак будут сырники со сливовым джемом? А у нас обычно подавали сырники со сливовым джемом...

Меня осенила догадка:

– Так значит... теперь у меня есть сюжет!

– Верно, – кивнул сюжет и многозначительно посмотрел на ружье, которое я оставил у стены.

По спине пробежал холодок.

– Нет... я не смогу вас убить...

– Но тогда у вас не будет сюжета.

– Не будет... – согласился я.

– А вы... а вы... – сюжет многозначительно поднял палец, – а вы придумайте что-нибудь про мою семью... ну, там проблемы какие-нибудь будут... тайны какие-нибудь... интриги...

Меня передернуло.

– Нет, – ответил я, – я не хочу, чтобы с вашей семьей что-то случилось.

– Тогда у вас не будет сюжета, – повторил сюжет.

– Не будет, – сказал я.

Осенний дождь стучал в окна, ветер трепал ветви, плясало пламя в очаге, время точило когти о старые балясины и отскакивало, когда я подходил ближе.

Вот и все. И больше в этой истории ничего не случится, никаких загадок, никаких интриг, тайн, никто никого не убьет – потому что я так и не поймал сюжет...

Неправильное время

Сегодня утром часы показывают правильное время.

Это плохо.

Потому что Чима.

Эш смотрит на часы, думает – Чима. Чима в седьмой палате, сжимает руку Эш и улыбается, говорит:

– Всё хорошо.

Эш делает вид, что верит ему, говорит:

– Всё хорошо.

До полудня часы показывают правильное время. За это время уезжают девушка из восьмой палаты и двое детей из одиннадцатой. Почему двое детей, спрашивают люди, детей-то почему, спрашивают люди. И сами же разводят руками, ну а что делать, все мы...

Часы показывают полдвенадцатого, подходит поезд, девушка садится, дети в поезд садятся, бабушка детей говорит девушке, вы уж как-нибудь присмотрите за ними, девушка кивает, да обязательно, обнимает детей, мальчика и девочку, а сейчас мы с вами в Африку поедем, а там попугаи...

Эш смотрит на часы.

Бойтся.

Чима говорит:

Всё будет хорошо.

После полудня часы наконец-то сходят с ума, перескакивают куда-то назад, назад на тридцать лет, и вот уже Чима и Эш идут гулять в саду, Чима хочет поцеловать Эш, Эш не дается.

Ближе к вечеру часы ненадолго приходят в себя, показывают половину девятого – в седьмой палате женщина рыдает в голос, у неё сын в аварию попал. Часы перескакивают на полдня назад, сын в аварию не попадает.

В полночь приходит поезд, к нему выходят два старика из десятой палаты, прощаются с близкими.

Эш спрашивает, почему часы не могут отодвинуться назад насовсем. Чима не знает. Смотрит на часы, думает, как бы кто не заметил, что с часами что-то не то. Вон человек в униформе, как бы не оказался начальником станции, или вот люди в белых халатах, вот они сейчас посмотрят на часы, и мастера вызовут, придет мастер, и починит часы, и поминай, как звали...

Приходит мастер, открывает циферблат, подкручивает часы, часы бьют полночь, как положено, поезд подходит к перрону, люди спешат, прощаются с близкими, Эш бросается в палату, Чима, Чима...

– Чима!

...просыпается. Смотрит на Чима, вот он, Чима, почему не спит, а, ну да, это Эш, глупая, его разбудила...

Эш засыпает. Во сне приходит мастер, что-то делает с часами, часы бегут назад, Эш и Чима гуляют в саду, Чима хочет поцеловать Эш, Эш не дается...

Эш просыпается.

По палатам идет шепоток, мастер едет. Вот так, на поезде. Выходит, чемоданчик в руке держит, идет к часам.

Эш смотрит.

Выжидает.

Сжимает в руке крохотный кольт, откуда она его взяла, а может, это во сне, а может, это вообще все во сне.

Мастер открывает часы.

Эш думает.

Две минуты на Эдит

Можно делать по три минуты. Тогда у меня останется Эдит на тысячу лет.

Можно сделать по полторы минуты. Тогда у меня будет две тысячи лет Эдит.

Сам над собой смеюсь, что такое полторы минуты Эдит, что такое три минуты Эдит, что такое даже две тысячи лет Эдит.

Нет. Нет. Сжимаю зубы, корю себя за слабость, если так буду тратить Эдит, у меня вообще её не останется.

Все. Решено. Две минуты. Две минуты, говорю я себе, две минуты, и будь я проклят, если задержусь хоть на секунду, хоть на две, хоть на...

...хоть еще на миллиард лет.

Помечаю в ежедневнике. Две минуты.

Сегодня будет Эдит. Целых две минуты Эдит. Перебираю записи, фотографии, отчаянно пытаюсь вспомнить, что было у нас с Эдит десять лет назад. Мы ужинали. Да, вот что, мы ужинали, сидели в большой столовой, да, в большой столовой, Эдит подавала индейку, пережаренную, я еще думал, сказать ей, что пережарено, или промолчать, а то ведь обидится, как пить дать обидится... Вспомнить бы еще, о чем мы говорили, вот здесь записано у меня в блокноте – кофе, а что кофе, плохой, что ли, был кофе, или купить надо кофе, или новый какой-то кофе появился, или...

Не помню.

Каждый раз говорю себе – не забыть.

Каждый раз – не помню.

Вхожу в большую столовую, отсюда с балкона видны далекие холмы, опустевшие замки, чьи-то поместья, в которых больше никто не жил. Спрашиваю себя, когда ушел последний, вернее, предпоследний – понимаю, что не помню. Совсем. Да мне и не нужно это помнить, главное – Эдит.

Сажусь за стол, готовлюсь к переходу.

Часы с треснувшим циферблатом бьют полдень.

Перехожу.

Темнеет в глазах, впиваюсь руками в подлокотники кресла, тут только бы не упасть без сознания...

– Ты чего?

Сердце падает куда-то к центру земли.

Эдит.

– А... голова закружилась.

– Что-то часто она у тебя кружиться стала.

Сжимаю зубы, черт, черт, черт, две минуты – не вариант, если я через каждые две минуты буду терять сознание, так меня Эдит в больницу отправит...

– Э-э-э... чего там про кофе?

– Да я говорю тебе, новый сорт...

Киваю. Вспомнить бы еще, что там с новым сортом, купить надо новый сорт, или уже купили, или что... Впиваюсь зубами в мясо, спохватываюсь, пережаренное же, ну, не в уголья, но я бы есть не стал, и вообще...

– Ты чего?

Сжимаю руку Эдит, сердце еще раз падает к центру земли, пробивает землю насквозь. Две минуты. У меня есть две минуты. Эдит вытаскивает руку, хмурится:

– Да оставь ты, что ты, в самом деле...

Я надоел ей, я понимаю – надоел. Тут тоже сложно, удержаться на грани, за которой Эдит вспыхнет, что я ей надоел, уйдет, хлопнет дверью...

Не выдерживаю.

Обнимаю Эдит, целую, крепко, горячо, жадно, пропади оно все пропадом, пропади, пропади...

Часы отсчитывают две минуты, переваливают на третью, мне плевать, мне на все плвать, обнимаю Эдит...

...я появляюсь из пустоты за спиной Эдит, смотрю на себя, обнимающего Эдит, многозначительно стучу по запястью, время, время...

Все понимаю.

Исчезаю.

Вот так, из объятий Эдит. Тут же окликаю её сзади, Эдит оборачивается, не понимает, она испугана, я отшучиваюсь, бормочу какие-то дежурные вежливости про прикольно получилось, правда... Сажусь за стол, все-таки не выдерживаю, мимоходом кладу руку на плечо Эдит, все-таки не видел её десять лет...

...она не знает, что я не видел её десять лет.

Индейка. Пережаренная. Вежливо выбираю кусочки, которые получше. Эдит смотрит на мою тарелку, спохватывается, хмурится:

– Не получилось?

Снова бормочу какие-то вежливости про ничего страшного и с кем не бывает. Вздрагиваю – когда вижу за её спиной самого себя, да какого черта, две минуты еще не закончились, какого, какого... Я за спиной Эдит прикладываю палец к губам, тут же появляюсь еще один я, и еще, и еще. Сердце сжимается, я жду, что они набросятся на меня – нет, ничего не происходит, они просто стоят и смотрят.

...возвращаюсь. Хочу сказать – домой, понимаю, что мой дом не здесь, где пустое помещение и заброшенные замки вдалеке, а там, где пережаренная индейка, где новый сорт кофе, непонятно, зачем и почему...

Отмечаю дату на календаре. Через десять лет. Эдит. Бьется в голове отчаянная мысль, а если не десять, а если двадцать, а если хотя бы пятнадцать – у меня дольше будет Эдит, не тысячу лет, а две тысячи, или сколько там, я запутался, считать надо, я не люблю считать, я никогда не любил считать, еще с детства, еще с этого вот – достали двойные листочки, еще...

Нет, считать, считать, с нашего первого дня до самого конца – пятьдесят лет, семь месяцев, пять дней, шесть часов, сорок минут, тридцать секунд не считаю. Итого двадцать шесть миллионов восемьсот тридцать шесть тысяч двести сорок минут, из них уже прошло... тьфу, что я считаю вообще, как будто во всех месяцах тридцать один день, они же все по-разному, чер-р-р-т, я сойду с ума...

Один раз в двадцать лет. Или хотя бы в пятнадцать. Нет, нет, немыслимо, я и так за десять лет успеваю почти забыть Эдит. Надо бы раз в пять лет. Или в три. Но тогда Эдит закончится еще быстрее.

Думаю, откуда были те, которые стояли за спиной Эдит: оттуда, где я еще хожу навещать Эдит, или оттуда, где Эдит уже закончилась. Надо будет как-нибудь спросить у них в следующий раз. Как-нибудь знаками. Хотя, что мне это даст. Ничего.

(Они приходили еще два раза – через десять и через двадцать лет, второй раз я знаками, полунамекками поговорил с собой, узнал, что им уже не досталось Эдит. Я ждал, что они убьют меня, потому что у меня есть Эдит, а у них уже нет. В тот вечер Эдит обернулась и увидела нас всех – все, кроме меня, тут же исчезли, я опять начал бормотать что-то про приколы и фокусы. В следующий раз они не пришли – а может, и в предыдущие разы, может, кто-то из нас предупредил остальных больше не приходите вот так, всем сразу.)

Отмечаю в календаре дату через триста лет – когда я попаду к Эдит в половине одиннадцатого вечера, когда мы поднимемся в спальню, задернем шторы, и Эдит расстегнет платье. Понимаю, что дальше не буду делить время по минутам – эти несколько часов будут принадлежать мне одному. Потом так и быть уступлю место себе через десять лет, чтобы лежать рядом с Эдит, смотреть на неё спящую. Но это уже потом.

Думаю, что будет без Эдит. Совсем без Эдит. Вечность без Эдит. Тут же гоню от себя эту мысль. У меня еще есть тысячу лет Эдит. Или две тысячи лет. Каждый раз считаю, каждый раз сбиваюсь со счета...

Третий с половиной этаж

... когда я вошел в этот дом, то был потрясен – снаружи было лето, знойное, жаркое лето, но стоило мне переступить порог за массивной кованой дверью – и я буквально провалился в осень, покатился вниз по лестнице, окруженный шуршащими разноцветными листьями. Меня обдало холодком – не зимним морозцем, а таким, легким, как бывает в начале осени, а когда я немного пришел в себя и направился к уютно потрескивающему камину, меня обдало поистине ноябрьским холодом, какой случается в конце месяца перед первым снегом. Я был настолько потрясен, что заметался по дому в поисках выхода – но это оказалось не так-то просто. Наконец, я выискал комнату, обстановка в которой немного напоминала сентябрьский полдень, и даже налил себе глинтвейна в ожидании хозяйки...

... чем больше я смотрела на чертеж, тем меньше понимала, для кого и для чего я строю этот дом: бесконечные переходы, лестницы, ведущие в никуда, комнаты, как будто повисшие в пустоте, интерьеры, словно насмехавшиеся над законами земного притяжения. Окна, выходящие из комнаты в комнату, двери, ведущие в тупики или на улицу на высоте третьего с половиной этажа, башенки внутри комнат, камины снаружи – это был еще не полный перечень сюрпризов, которые приготовил дом. Я была уверена, что заказчица выжила из ума – и если бы не щедрая оплата, я бы в жизни не согласилась на строительство. Но бесконечные долги и безденежье вынудили меня взяться за это рискованное дело – и не было ни одного дня, когда бы я не сожалела о принятом решении. Очень скоро я начала замечать, что, несмотря на знойную погоду на улице, в свежестроенном доме воцарился холодок, а иногда комнаты заволакивало промозглым белесым туманом. Я готова была сию минуту прекратить строительство – но дом, казалось, не отпускал меня, завораживал, заволакивал, очаровывал все больше и больше. Я стала ловить себя на том, что мне не хотелось покидать этот дом, я ночевала там, даже облюбовала себе комнату в левом крыле под самой крышей – правда, через две недели эта комната переместилась в правое крыло, а потом и вовсе стала кочевать по всей постройке. Меня больше не пугало то, что я не вижу заказчицу, я не жаждала встречи с ней, более того – чем дальше, тем больше мне казалось, что я знаю хозяйку, я знакома с ней давным-давно, более того... Однажды утром я обнаружила, что дом был готов, а может, он был готов еще вчера вечером, я так была измотана, что не заметила. В то же утро я поняла, что знаю, где находится комната хозяйки: достаточно было подняться на третий этаж, повернуть направо, где пол и потолок меняются местами, спуститься на третий с половиной этаж и войти в дверь, которой не было. Именно там я ожидала увидеть комнату хозяйки, именно там я увидела свою комнату – и поняла все.

Кажется, скоро наши дети станут спрашивать, что такое осень – сказала Джейн. Кажется, скоро наши дети станут спрашивать, что такое осень, поддакнул Кевин. Они казались себе последними, кто помнил, что была когда-то какая-то осень – с желтыми листьями, с белыми осенними туманами, со стаями птиц, улетающих в серую дымку, с долгими вечерами у камина, с клетчатými пледами. Уже который год осени не было – не так, как бывает, когда лето задержалось до октября, а зима обрушилась белыми метелями с первым ноября – а не было совсем. Где-то до середины октября стоял августовский зной, который буквально за считанные дни сменялся снегопадом. Что такое осень – спрашивали дети. Что такое осень – спрашивали внуки. Не было никогда никакой осени – говорили дети. Не было никогда осени, вторили внуки. Скоро мы уже и сами стали сомневаться, что была когда-то какая-то осень – а может, мы её просто придумали...

Я нашел её не сразу – точнее сказать, я вообще не верил, что кого-то найду. Она сидела в уютном кресле у камина, но несмотря на пламя очага в комнате царил промозглый холод. Она сидела, завернувшись в плед и пила горячий чай – и, казалось, нисколько не удивилась моему визиту. Я хотел напомнить ей про её долг, но ту же спохватился, что она никому ничего не должна. Не зная, с чего начать, я спросил, зачем она укрылась в этом доме – и получил ответ:

– Я прячусь от осени.

– Простите? – мне показалось, что я ослышался.

– Вам нравится, правда? Чудесный дом. Я сама его построила. Чтобы прятаться от осени.

– Но... как же...

– ...а вам что, не хочется пережить осенние холода в теплом доме?

– Хочется, но...

– Ну, вот видите, мы друг друга прекрасно понимаем! Вот и тоже всю жизнь мечтала...

Только... только у меня не получилось ничего...

– Отчего же... не получилось?

– Вот вы в строительстве разбираетесь? Вот скажите мне, что я не так сделала, почему мне здесь всегда так холодно?

– Эм... э...

– Вот я дом построила, прячусь от осени, а куда я ни пойду, везде холод такой...

Я молчал, я не знал, как сказать ей, что ей никуда не спрятаться от осени – потому что...

Лестница – нет

Лестница – нет.

Сквозь сон:

Лестница – нет.

Семь утра. Почему семь утра, почему, почему семь утра, почему не двенадцать, не час, не три часа дня. Нет, семь утра. (лестница – нет) Встаю – кажется, слышал будильник, да бред собачий, нету здесь никаких будильников, и в помине нету, а ведь слышал же, ну, померещилось. В школу, в какую, на хрен, школу, забил давно на эту школу. Поступать, какое, на хрен, поступать, и на поступать давно забил, куда я поперся, куда, куда, куда...

Лестница – нет. Вытряхиваю из памяти эту лестницу – нет, смотрю на обрывок бумаги на столе, а-а-а, вот она – лестница, вот она где спряталась, рву бумагу на мелкие клочки, бросаю в корзину...

Наскоро одеваюсь, наскоро сбегая по лестнице в зал, ничего не происходит, и почему телефон напоминает мне – лестница – нет. Привет, ма, ага, пошел, ага, вернусь, не знаю, когда, короче, вернусь. Куда я поперся вообще, куда, куда, вырливаю на проспект, в универ еду, в какой универ, отродясь я в этом универе не был...

Притормаживаю, выхожу, куда я вообще приперся, зачем я здесь,жимаю руки, кто все эти люди, отчаянно пытаюсь вспомнить по именам, не могу. Наклоняюсь над записями, это еще что за закорючки, а-а-а-а, помии-и-илуйте, не понимаю ничего, – понимание приходит само, откуда здесь третья степень, а-а, вот отсюда вылезла, а если здесь третья степень, это означает только одно, – что черных дыр существовать не может.

Только с таким заявлением на смех поднимут, не поверят, да я сам себе не верю, перепроверять надо миллион раз... Дети, отвяжитесь, видите, работаю, стоп, стоп, стоп, какие дети, откуда здесь дети, а вот, дети, я им картохи принес, наварил, курицу принес, наварил, что ты есть не будешь, тебе тут что, ресторан, что ли... Так, кто не съест, того в ресторан не возьму, поняли, да?

Сжимаю зубы, а ведь мне теперь эту ораву в ресторан в какой-нибудь тащить, за мороженым, они же разнесут там все, и буду ловить на себе косые взгляды. А этот корень откуда взялся, не должно быть здесь корня, да как не должно, вот он, а если здесь корень, это значит только одно, что кроме черных дыр есть где-то белые дыры, понять бы еще, где... Так, стоп, где я нахожусь вообще, я же в универе был, почему я в обшарпанной квартире, ремонт здесь надо делать, вот что, а, так дебил я конченный, не будет здесь никакого корня, выдумал тоже, корень...

Это я поначалу пугался, когда такое случалось, когда одновременно там и здесь, на героин грешил, много на что грешил, потом привык, теперь уже спокойно смотрю на все три стороны, только смотреть надо по очереди, сначала на одну сторону, потом на две, а там и третью можно подключать. А до этого третью сторону надо придерживать, а то как выскочит, как выпрыгнет, и перемешается все в голове. Приотпускаю третью сторону – она только того и ждет, срывается с места, ломится в двери, наваливается всей массой, окружает, обжигает, крылатые часы, почему здесь крылатые часы, почему здесь время, закрученное в ленту Мебиуса, почему здесь пустой город, здесь, на картине, и опять, опять ничего не получилось, картина как будто разваливается на части, у меня все картины разваливаются на части, напрасно учу всякие золотые сечения, основы из треугольников и квадратов, вот здесь три человека на картине, тут треугольник за основу, а тут четыре, это квадрат...

ТЬфу.

Отбрасываю карандаш, ни хрена не получается, ни хрена. Нет, можно, конечно, раскрасить все это, тени добавить, еще что-нибудь такое, только не поможет все это, не поможет, уже знаю, ничего не выйдет.

Вечереет. Все трое понемногу отпускают меня, укладываю детей спать, припоминаю какие-то отговорки, а кто первый заснет, тому можно не спать всю ночь, а Катюшка в сентябре в школу пойдет, это же вообще трындец начнется, начинаю понимать своих родителей...

Еду домой, теперь можно и домой поехать, что-то торкает, что-то стучит в сознание – их должно быть четверо.

Не трое.

Четверо.

Отчаянно ищущего четвертого или четвертую, не нахожу, не вижу, не чувствую. С чего я вообще взял, что был какой-то четвертый, а ведь был...

Прислушиваюсь к себе.

Притормаживаю.

Здесь.

Да, здесь, на перекрестке у фонаря, она уже ждет меня, от волнения ей могу вспомнить её имя. Смотрит на меня удивленно, да я сам на себя смотрю удивленно, почему без цветов, почему вообще безо всего, хоть бы конфет каких, что ли, купил. Стараюсь спасти ситуацию, показываю на ближайшее кафе, она ахает, дорого, дорого, делаю широкий жест, за все плачу. Она спрашивает, к кем я работаю, понимаю, что не знаю, что ответить, вру что-то про космонавта. Думаю, что я вру, чего мы вообще тут сидим, что мне мешает привести её домой, мама, папа, это (имя, имя не помню), моя невеста. И детей привести... стоп-стоп-стоп, это что будет, и она, и дети... теряюсь, чувствую в забытьи, Катюшка кашляет, выбираюсь в темноте из постели, надо ей сироп дать...

Прощаемся, она встает на цыпочки, целует меня, хочу сказать, что мы непременно поженимся, вспоминаю про детей, не говорю. Выруливаю на проспект, звонит Кабаныч, не понимаю, зачем Кабаныч, почему Кабаныч, какой клуб, зачем клуб, какой героин, зачем героин, какие девки, зачем девки, не понимаю, не понимаю...

Иду домой, привет, ма, привет, па, да ничего я не кислый, да норм все. Что-то подсказывает мне, что это еще не конец, сегодня будет еще что-то, что-то, что-то... Пол покачивается, приплясывает под ногами, или нет, это не здесь пол покачивается и приплясывает, это где-то там, там, самолет посреди океана, почему посреди океана, нас пятеро, один прыщавый в очках, будто не видит, что вода подступает, женщина срывается на крик, у меня дети, у меня дети, парень звонит кому-то, все хорошо, все хорошо у меня, я тебя люблю, еще одна девушка сидит у самой воды с отрешенным видом, прижимает к себе скетчбук, мельком вижу крылатые часы на фоне заброшенного города. Лестница, лестница, подсказывает память, какая к черту лестница, откуда лестница, а вот – лестница, спускается с неба, отталкиваю одного, другого, кому-то заезжаю промеж глаз, кто-то визжит, карабкаюсь, скорей, скорей, скорей...

...просыпаюсь.

Семь утра, еще спать да спать, нет, какого черта я встаю, куда я спешу, какие часы, почему крылатые часы, вот так, на фоне полной луны, и будь я проклят, если картина снов развалится на части, как это, развалится на части, не понимаю. А еще завтрак надо приготовить, это не здесь, это где-то там, там, а еще... Это еще что, откуда это, зачем это – лестница – нет, какая-то запись на обрывке бумаги, зачем, для чего, бросаю в корзину, некогда, некогда, некогда...

Закованный огонь

Блэк Айс смотрит на продольницу – это большая продольница, главная продольница, а от неё отходит десятка два маленьких продольниц, и какую из них выбрать, неизвестно. Блю Айс и Грей Айс смотрят на Блэк Айса, ждут решения.

Колд.

Любим, помним, скорбим.

Блэк Айс молчит. Блэк Айс думает. Вайт Айс уже уполз по продольнице, путники уже назвали её продольницей двух огней, вон они, два всполоха в небе. От Вайт Айса нет вестей уже три дня – а это значит только одно, что еще одно имя нужно вычеркнуть из списка отважных путников.

Блэк Айс смотрит на продольницу напротив – они назвали её продольницей глубокой бездны – и ледяное сердце сжимается от страха. Блэк Айс хочет заглушить страх холодом, сегодня хочется много холода, очень много, а холода осталось всего-ничего. Блэк Айс зорко следит за запасами холода, а кажется, Грин Айс приворочивает холод, ну да еще не доводилось поймать его с поличным...

Три экспедиции пропали без вести...

Это тоже так было.

Блэк Айс еще раз смотрит на продольницу глубокой бездны, борется с искушением отправить кого-нибудь исследовать темный провал. Не отправляет. Конечно, в провале есть темнота, которой так не хватает здесь, наверху, но что-то подсказывает Блэк Айсу, что там помимо живительной темноты прячется смертоносное тепло...

Путники ждут.

Блэк Айс командует:

– В продольницу!

– Мы что... – усмехается Грин Айс, – будем исследовать все продольницы?

– Ну, не все, но хотя бы парочку, – Блэк Айс слышит в своем голосе ярость, сам себя ненавидит за это, сам на себя злится, и на себя, и на других, и на этот мир жара и смерти, который крепко впивается в свои жертвы, не отпускает.

– Мы уже три продольницы смотрим, и каждый раз теряем одного спутника, – фыркает Блю Айс. Блэк Айс не верит себе, ему кажется, что он ослышался, – нет, никакой ошибки быть не может, власть капитана стремительно рушится. Блэк Айс уже готов к тому, чтобы спросить, да неужели спутники винят его в гибели товарищей – тут же спохватывается, не подает виду, капитан должен быть холоден, как лед... Блэк Айс на грани, на острой грани, Блэк Айс хочет выставить эту самую острую грань, вонзить ее в грань врага, посмевшегося усомниться во власти капитана, как по молодости, когда бились не на жизнь, а на смерть...

– Грань на грань!

Нет, нет, не здесь, не сейчас, невозможно, невысказано...

Процессия движется по продольнице, дальше, дальше, Блэк Айс думает, что может быть в конце этой продольницы, если вообще есть у этой продольницы какой-то конец. Нет, все должно было быть не так, совсем не так, – по редким гравюрам, по запискам путешественников, ему виделось что-то совсем другое, – всполохи огней в туманной дымке, лабиринты продольниц, темные тени вдалеке. Блэк Айс никак не думал, что придется уворачиваться от чего-то светлого, сияющего, летящего навстречу, прятаться среди изумительно ровных скал...

– Видели? Видели?

Окрик Грин Айса отвлекает капитана от мыслей, последний оборачивается, смотрит в темноту, растерзанную гибельным светом, не видит ничего.

– Что там? Что?

– Высокая тень... вертикальная...

– Вам померещилось.

– Да нет же... я видел...

Блэк Айс повторяет строго, с нажимом:

– Вам. Померещилось.

Три экспедиции пропали без вести...

Так было.

Блэк Айс оглядывает продольницы, на которых выстроились ровными рядами кубические скалы, отгоняет от себя отчаянную мысль, нет, нет, этого не может быть, он не может этого сделать...

И все-таки...

Блэк Айс командует:

– В гору!

Спутникам кажется, что они ослышались, как в гору, почему в гору, быть не может, чтобы капитан обезумел до такой степени, чтобы проникнуть в ровную скалу, из которой струится гибельный свет – и кажется, там же подкарауливает тепло. Блэк Айс и сам начинает сомневаться, верно ли поступает – чужие земли не терпят легкомыслия, один неосторожный шаг может стоить жизни, один поворот не туда уводит в неведомое, откуда не вернуться...

Блэк Айс повторяет:

– В гору!

– Хочешь нас убить? – спрашивает Грин Айс, замирает на продольнице, – ты за этим нас сюда привел?

Блэк Айс срывается на крик:

– Не обсуждать! Приказания капитана...

– А кто вообще выбрал тебя капитаном? В столице назначили? И где она, столица твоя?

Блэк Айс показывает на продольницы, уходящие в темноту:

– Тебе туда.

Уходят двое – Грин Айс и Блю Айс, Блэк Айс так и думал, уже подозревал Блю, что он тоже уйдет, но все-таки надеялся на что-то, непонятно, на что...

Уходят в темноту продольницы, прячутся от всполохов света, пря...

...что-то стремительное пронесется там, в темноте, яркий всполох гибельного сияния, смертельный жар, еще что-то стальное, массивное...

Блэк Айс смотрит на Грей Айс.

Шепчут беззвучно – упокой и забери, вечная тьма.

Колд.

Любим, помним, скорбим.

Так тоже было.

Блэк Айс первый идет к скале, видит в ней узкий проход, не подсвеченный гибельным сиянием – здесь можно пробраться внутрь...

...первые льды, пробравшиеся в ровную скалу – Грей и Блэк Айс...

Так будет.

Может быть.

Хотя кому это интересно, там, в краю льдов знать не знают, что такое ровные скалы, что вообще существуют какие-то края, в которых гибельное тепло и свет – не тусклые всполохи на горизонте, а свет, яркий, беспощадный, сияющий, не бесконечно далекий огонь, а раскаленное пламя вот здесь, в двух шагах, пламя, закованное в каменную гробницу. Блэк Айс думает о тех, кто приручил всепожирающее пламя. Блэк Айс уже понимает, что закованные в камень огни появились не просто так, что кто-то посадил их туда, кто-то поработил их –

далекие всполохи, стремительно пронсящиеся тени, или что-то длинное, высокое, не поддающееся описанию...

Блэк Айс оглядывается – он слышит зов, совсем рядом, он не ошибся, он слышал этот зов уже который месяц – все ближе и ближе.

Здесь.

Совсем рядом.

Да.

Блэк Айс оглядывает пустоту внутри скалы, слышит зов из-за стены, что-то подсказывает ему, что эту стену можно отодвинуть, вот так, она крепится на чем-то только с одной стороны, а другие стороны свободны, вот за эти стороны Блэк Айс и тянет, и...

– Колд!

Блэк Айс видит Колд, свою Колд, он уже и не чаял найти её живой, он вообще не верил, что в этом царстве тепла и света может выжить Колд...

– Колд!

– Грей... Грей Айс... ты... ты искал меня...

Мне сказали, что ты мертва... они написали во всех газетах, что ты мертва... я не верил... не верил...

Блэк Айс смотрит, не понимает, как Грей Айс, почему Грей Айс, откуда, зачем, он бонимает Колд, свою Колд, как свою Колд... Блэк Айс больше не собирается на это смотреть, Блэк Айс выступает вперед, —

– Грань на грань!

Колд врывается клином между Блэк Айсом и Грей Айсом, да перестаньте, да что вы делаете, – Блэк Айс не слышит, не хочет слышать, набрасывается на врага, как учили, ребром, ребром, острым ребром...

Бушующее пламя рядом, совсем рядом, Блэк Айс ищет опору под ногами, опоры нет, ничего нет, пламя здесь, совсем рядом...

Письма неизвестному другу

Мой неизвестный друг, если бы ты знал, какие лишения мне довелось испытать, твое сердце сжалось бы от сострадания – но нет, не сострадания я прошу, отнюдь, оно будет мне только мешать, и нисколько не поможет миссии, которую я себе избрал. Верховный друид и слышать ничего не хочет о моих задумках, но если бы на моем пути стоял только друид, я мог бы это пережить. Однако, кажется, сами боги противятся моим замыслам – неурожай грозит погубить не только мои замыслы, но и меня самого. Боюсь, мои скудные подношения оскорбят фоморов, и мне не уйти от их гнева. Денно и ночью я рыщу по холодному мокрому лесу, пленнику осени, в поисках пищи, но как назло не попадается ничего кроме мелких птишек. Близится праздник смерти, который может стать для меня последним – слишком велико для меня было стремление к цели, мне пришлось нарушить свой гейс, не писать никому писем. Бросал я в костер кости ворона, языки пламени оставили на костях дагаз и чистую руну. И все-таки смерть не страшит меня – пусть даже явится мне во сне ворон, летящий навстречу. Сделан первый шаг к секрету вечной жизни, первый шаг к тому, чтобы обмануть богов, обмануть само время...

Мой любезный друг, я был немало удивлен, получив твое письмо – но еще больше я был удивлен твоей прямо-таки патологической нерешительностью. Лично я ни на минуту не сомневался, что ради своей величайшей миссии я готов на все, и даже больше. Судьба оказалась не так благосклонна ко мне, мне не посчастливилось стать друидом, не довелось приобщиться к наукам. Мне приходилось вести свои исследования под покровом ночи, но разве можно утаить что-то в нашей деревушке? Кеган проведал, чем я занимаюсь в глухой чаще, верховный совет приговорил, что я закончу свои дни в пламени костра, и форморы возьмут мою душу. На счастье мое судьба улыбнулась мне – я сбежал за считанные часы до того, как за мной пришли воины. Путь мой лежал в Лондинуум – не знаю, почему я решил, что получу от квири-тов защиту и покровительство. Как же жестоко я ошибался! Недолгим было мое блаженство, мое безмятежное существование под покровительством квири-тов – надо же было ненасытным квири-там отобрать землю безутешной вдовы! Никто не ждал, что Боудикка соберет войско – никто не ждал, что Лондинуум падет и будет сожжен дотла, и никак я не думал, что сам сгорю во всепожирающем пламени...

Если бы я мог написать письмо в прошлое тому человеку, деяниями которого я восхищаюсь сейчас, я бы начал так: будь осторожен, дорогой друг, не все жители города в восторге от твоих изысканий, а если ты проболтаешься кому-то, что ищешь рецепт бессмертия, то не сносить тебе твоей головы. Священники не любят, когда кто-то вмешивается в законы мироздания, установленные Всевышним, они считают, что смерть человека неизбежна, и обмануть смерть, значит, обмануть само Мироздание. Кроме того, я бы написал – мой дорогой друг, ты никогда не видел меня, но послушался моего совета: оставь свои изыскания, живи, как живут сотни твои соотечественников, найди себе хорошую женушку, открой лавочку, как твой отец, по вечерам сиди на крыльчке и покуривай трубку. Однако, я точно знаю, что ты только рассмеешься мне в лицо – и пойдешь на чердак доделывать свою машину вопросов и ответов, которую ты так и не закончишь. Да-да, ты её так и не закончишь, и это я тоже напишу в прошлое человеку, которым восхищаюсь и которого никогда не увижу. И я не закончу, хотя у меня в руках будут твои трактаты и твои наработки, и я буду искать вечную жизнь не с чистого листа...

Если бы я мог написать в будущее тому человеку, который возьмет на себя смелость продолжить мои исследования, я скажу ему: мой дорогой друг, ты, должно быть, будешь немало

удивлен тем, что я отверг благополучную сытую жизнь, не пошел по стопам отца, а напротив, выбрал себе путь, полный лишений. Что я отвечу моему несуществующему другу? Что я в жизни бы себе не простил, если бы хотя бы не попробовал стать бессмертным? Я бы, конечно, сердечно поблагодарил своего неизвестного друга за заботу и предупреждение, что мне следует бежать из города, – однако, этот побег только отсрочил мою казнь, потому что в каком бы городе я не останавливался, рано или поздно блюстители закона понимали, что мои изыскания слишком опасны...

Если я в здравом уме начну писать письмо человеку, который будет жить через много веков после меня – мои соотечественники решат, что я выжил из ума и отправят меня в сумасшедший дом. Если я не напишу это письмо, оставлю свои мечты и чаяния при себе – я в жизни себе этого не прошу. Как же мне быть? Думаю, что смогу спасти ситуацию, если завуалирую письмо к своему неведомому другу под литературное произведение. Итак, в этой непримечательной книге я обращаюсь к мнимому другу, который будет жить через много веков после меня. Прежде всего, мой неведомый собеседник, я хочу поделиться с тобой своими исследованиями и поблагодарить за то, что так любезно предупредил меня об опасностях, подстерегающих меня на жизненном пути. Только благодаря тебе, мой неведомый друг, я благополучно отказался от путешествия на «Боудикке», которое казалось мне невероятно увлекательным, – и тем самым избежать гибели в кораблекрушении. Однако, мой неведомый товарищ, с чего ты взял, что где-то в Америке, в маленьком безвестном городке меня ждет тот, кто прольет свет на мои терзания и сомнения и подскажет, как создать думающую машину – каково же было мое разочарование, когда я обнаружил, что упомянутый тобой человек будет жить через двести лет после меня. Впрочем, я не виню тебя, мой неизвестный друг, ты искал информацию обо мне из весьма недостоверных источников, поэтому стоит ли удивляться, что ты путаешь даты, события, имена? Мне самому следовало более тщательно проверять то, что ты пишешь мне. За одно я точно благодарен тебе – если бы не твои расчеты, я бы в жизни не добился того, что имею сейчас, в жизни бы не довел до ума свою машину для думания...

Если бы я мог написать письмо какому-нибудь человеку, живущему после меня, я был бы безмерно счастлив – но увы, беспощадное время не позволяет связаться с прошлым. Все, чем мне приходится довольствоваться – это отсылать письма в прошлое, людям, которые жили когда-то. Пишу неведомому другу, который жил двести лет назад, предупреждаю его о «Боудикке», корабле, который может его погубить, – и сетую, что никто не может предупредить меня о том, чем закончится для меня полет на «Марсе», правда ли ступлю я на чужую землю или мое имя пополнит списки погибших...

Сегодня я нашел друга.

Как? Как обычно. Как всегда нахожу друзей, всякий раз это случается одинаково, ну, почти одинаково, если не считать того случая с электромагнитной волной.

Итак, сегодня я нашел друга. То есть, нашел я его десять лет назад, только тогда он еще не был моим другом... или нет, не так, он уже тогда был моим другом, только ничего не говорил. Вернее, даже не так, он мне говорил, только я его не понимал. И даже не так, он не говорил... но говорил. А я не понимал. А теперь понял. Понял – после десяти лет отчаянных попыток его понять. Понял, что он сказал мне —

Мой неизвестный друг, если бы ты знал, что я испытал в тот момент, когда понял, что вселенная конечна, и замыкается сама на себя...

Я это знаю, я это давно знаю, все-таки мысленно отвечаю ему, что это здорово.

А пять лет назад я узнал, как выглядит мой друг – у него оказалось три глаза, вот это странно, что три глаза, а не два, а ну да, конечно, он жил в искривленном пространстве черной дыры, поэтому и глаза было три, чтобы не заблудиться.

Мой друг оказался очень интересным – давненько мне не попадались такие друзья – особенно мне понравилось —

Седая осень палит и жжет,
Уходит лето, уходит лето —
Пообещай мне, что сбережешь
Мои миры и мои рассветы...

...если я правильно понял, если я правильно перевел. Спросить было уже не у кого, мой друг умер, как я подсчитал – умер сорок тысяч лет назад. Никогда еще мой друг не был таким близким ко мне, мой предыдущий товарищ умер двести тысяч лет назад, а между мной и предыдущим другом было пять миллионов лет.

Итак, сегодня я нашел друга.

Осталось сделать так, чтобы друг нашел меня – если вообще когда-нибудь будет какой-нибудь друг, который меня найдет, в чем я глубоко сомневаюсь. Я оставлял ему тайные знаки – вернее еще явные знаки, которые станут тайными, когда я умру. Я рисовал букву А и аиста, и тут же спохватывался, что мой друг не будет знать, что такое аист. И астероид. И алмаз. Я не знал, что скажу ему, поэтому просто решил поделиться недавним открытием и записал – Мой неизвестный друг, если бы ты знал, что я испытал в тот момент, когда понял, что вселенная конечна, и замыкается сама на себя...

Четвертая луна

4

Это уже четвертая луна.

До этого три было.

А вот четвертая.

Он смотрит на людей вокруг, думает, кто из них такой, а кто другой. Вроде сейчас все уже другие, это плохо, если все другие, это если что-то случится, один Он останется...

Он выверяет координаты, а чего тут выверять, конфедераты уже по всей траектории Луны расставили пушки, не прорваться.

Ничего. Ему не привыкать. Он ведет луну, как всегда вел, как вел первую луну, и вторую луну, и третью – по четко выверенным траекториям, которые не заденет, не затронет меткий выстрел.

Стреляют. Откуда-то оттуда, из темноты, из тени Земли, ловко за тенью спрятались, знают свое дело. Он смотрит тепловизором, тепловизор ничего не видит, вот ведь чер-р-р-рт...

Стреляют. Снова. Снова. Откуда они вообще взялись, перебили же всех, да кто их перебил, никто не перебил, вон, лезут изо всех щелей, поднимаются откуда-то с Земли, вернее, с того, что когда-то было Землей до погибших трех лун, до Противостояния. Биннори орет, что нужно было еще на Земле их бить, да какое на Земле бить, сам-то подумай, что несешь, где их там на Земле выищешь...

Он ищет цель, наводит пушку, сжимает зубы.

Пли.

Капают секунды.

Он кусает кулаки.

Яркая вспышка там, в темноте ночи. Сбил, сбил, да что толку, сбил, там еще таких же штук двести, они по-одному не летают, нет...

Так и есть. Ураганный огонь со всех сторон, ближе, ближе, не видно всполохов, ничего не видно, Он только догадывается, что снаряды терзают ноздреватое лиуцо Луны...

Была первая Луна.

Была вторая Луна.

И третья Луна была.

И четвертая.

А четвертой луны уже нет.

Почти нет.

Была две секунды назад до того как – тревога, до того, как дрогнула лунная поверхность там, внизу, до того, как...

Он хочет связаться с Биннори.

Не связывается.

Уже понимает, Биннори не ответит, Биннори больше нет. И никого нет, кто отправился туда, где был заложен снаряд, не успели обезвредить, не успели...

Он командует рулевому:

Полный вперед.

Рулевой не слышит, рулевой лежит мертвый у пульта управления, они все лежат мертвые, они все были другие. Он встает к штурвалу, сам себе говорит – полный вперед. Значит, умерла Луна, раз все они умерли, говорит себе он. Если бы Аглая жива была, она бы плакала. Только Аглаи нет, вон она лежит мертвая, а когда оживет, уже Луна будет, будет Луна, снова соберут

её, по крупичкам, по крохам, по песчинкам, не век же радоваться этим, которые простые, которые взорвали Луну, заложили снаряд...

Луны больше нет.

Это четвертая луна была.

Ничего.

Ему не привыкать.

Будет и пятая луна. И шестая. И какая угодно.

1

Аглая боится.

Эйкин видит – Аглая боится. Ничем не покажет своего волнения, все так же вежливо разливает гостям чай, прислуге это дело ответственное не доверит, все так же вежливо улыбается – и боится.

Боится.

А завтра полнолуние, думает Эйкин. А завтра полнолуние, думает Аглая. Эйкин знает, что Аглая так думает. Смотрит на большие часы с календарем на стене, и так думает.

Тетя Фрог спрашивает Эйкина, как ему тут, в Кимберли. Эйкин говорит, что хорошо. Эйкин всегда так говорит, где бы он ни был. Тетя Фрог говорит, что это Эйкин еще весной тут не был, когда все цветет. Эйкин вежливо обещает, что как-нибудь весной сюда непременно наведается, когда все цветет.

Вечереет, гости расходятся, тетя Фрог жалеет Аглаю, бедное дитя, совсем одна осталась. Аглая вымученно улыбается, Эйкин ждет – сейчас заплачет, нет, не плачет. Тетя Фрог садится в карету, дядя Мэдрик садится в экипаж вместе с викарием, у викария своей повозки сегодня нет. А тетя Фрог с тетей Мэг едет, так-то она её на дух не переносит, только сегодня одной ехать сильно страшно, полнолуние все-таки близится.

Завтра полнолуние, думает Эйкин.

Завтра полнолуние, думает Аглая.

Аглая показывает Эйкину семейные портреты, это вот батюшка покойный, он месяц назад умер, это вот матушка покойная, два месяца назад умерла, это вот Марти, он хотел в Оксфорд поступать, умер полгода назад, а это вот младшенький, Дэнни, он... Эйкин хочет спросить, когда Дэнни умер, не спрашивает, видит, что Аглая всхлипывает.

Темнеет.

А завтра полнолуние.

Аглая предлагает Эйкину какую-то замысловатую карточную игру, перемешивает карты, роняет подсвечник, свеча гаснет. Аглая хочет все поправить, не может, трясется в беззвучных рыданиях.

На ночь закрывают окна, на каждую раму вешают оберег, и еще один оберег на дверь, Аглая тербит крестик на шее.

Ночью Эйкину слышится завывание там, на улице, на опушке леса. Дом-то на самом краю леса стоит, слышно, как кричат совы, как шумят сосны, как... а это непонятно что такое, таких звуков Эйкин не слышал раньше. Эйкину не по себе, Эйкин уже сам жалеет, что приехал сюда, – вспоминает про Аглаю, перестает жалеть.

Утром Эйкин пьет кофе, читает про хищников, что нашел в библиотеке. Жуткие легенды, мрачные легенды, кровь стынет в жилах, когда читаешь. И что земля эта изначально принадлежала лесу, вернее, не лесу, а каким-то... каким-то... которые в лесу жили. А потом люди пришли, лес вырубил, а эти какие-то людей проклинали, и существо какое-то послали, которое каждое полнолуние выходит на охоту. И вроде не на всех охотится, а на древнейший род, на Фергюссонов, с которых этот городок начался.

Аглае нездоровится, Аглая к завтраку не выходит. Кухарка подает на стол, приговаривает, дом-то большой, а хозяина нет, вот бы в дом да хозяина, и Аглая вон какая, загляденье, девушка на выданье. Эйкин соглашается, загляденье.

Солнца нет, то есть, где-то оно есть, но там, там, за туманом, его и не видно, не верится, что оно есть. Черные деревья на фоне осеннего неба. Корр, корр, корр где-то вдалеке. Эйкин ни в какие темные силы не верит, Эйкин седлает черного Дьябло, едет в Норич. Болтает с лавочниками, кокетничает с торговками, пытается что-то выведать, не может. Мимо едет мистер Бейнс,

одергивает пару вороных, окликает Эйкина, приглашает на чашечку кофе, а Эйкин и рад-раде-хонек, вот сейчас все и разведает. У мистера Бейнса дом большой, и сараюшка, а в сараюшке рычит кто-то. Эйкин осторожно спрашивает, а вот если вдруг не дай-то Боже с Аглаей случится что-то, кому Фергюссон-холл отойдет. Мистер Бейнс думает, хмурится, наконец, кивает – а-а-а, так тете Фрог все отойдет, она же фергюссонова родственница получается. Гость пробует пирог, обжигает горло, мда-а-а, что-то переборщили с перцем...

Эйкин думает навеститься к тете Фрог, заодно осторожно спрашивает, можно ли посмотреть, кто там рычит в сараюшке. А, да конечно, это Сатан рычит. Эйкин смотрит, здоровенный Сатан, ростом с теленка, с цепи рвется, рычит басом. А цепочка р-раз – и треснула, была, и нету, вот уже Сатан на Эйкина несется, на землю валит, вылизывает, и мистер Бейнс хлопчет, фу, Сатан, фу, вы извините, он у нас первый день, вот, сегодня на ярмарке купил, я уж и не знаю, чего с ним делать... Мистер Бейнс бросает Сатану целого курчонка, Сатан за курчонком бежит, вот так, уже пятого за утро слопал. Хозяин провожает гостя, осторожно спрашивает, а вы, Эйкин, откуда такой будете, из столицы? С луны, отвечает Эйкин. А если серьезно? А серьезно с луны. Так говорит Эйкин. И идет дальше, к дому тети Фрог, насвистывает – жил человек на Луне, на Луне, на Луне, жил человек на Луне, его звали Эйкин Драм...

А у дома тети Фрог полиция стоит, а тетю Фрог сегодня ночью зверюга какая-то насмерть загрызла. Вот так вот вышла тетя Фрог ночью во двор, а зверюга на неё и набросилась. Не-ет, что вы, Сатан-то тут при чем, его утром уже в городок на ярмарку привезли... Эйкин спохватывается, спрашивает, а чего это тетя Фрог во двор ночью выходила. Так ей же молодой викарий свидание назначил, вы что, не знаете? Эйкин хочет поговорить с викарием, его тут же одергивают, так викарию тоже досталось, в госпитале лежит, бредит, говорит, сам дьявол ворвался во двор...

Вечереет. Эйкин спешит домой, надо спешить, надо успеть до темноты, нельзя оставлять Аглаю одну. Аглае страшно, Эйкин это знает – Аглае страшно, даром, что она виду не подает, сидит за чайным столиком, спрашивает Эйкина, а он откуда, Эйкин, такой будет? С Луны, отвечает Эйкин. А если серьезно, спрашивает Аглая. И я серьезно, отвечает Эйкин, и берет себе еще булочек с шоколадом, вот такой Эйкин, кожа да кости, а берет себе еще булочек с шоколадом. Это вчера было, а сегодня Эйкин спешит домой сквозь длинные тени от деревьев, тени все длиннее и тусклее, солнце уходит, вот уже луна выплыла из пустоты, большая, круглая, смотрит единственным глазом.

Эйкин подгоняет Дьябло, Дьябло фыркает, грызет уздечку, боится. Что-то завывает там, в темноте, ближе, ближе, ближе, вот черт... нет, черта лучше не поминать. Вот так, сколько жил Эйкин, столько во всякую чертовщину не верил, а тут нате вам, уже и черта поминать боится. Эйкин спешит, Эйкин торопится, нахлестывает коня, конь не слушается, конь встает на дыбы, визжит – отчаянно, жалобно. Что-то темное вырывается из кустов, валится на Эйкина, впивается клыками в горло коня, колыт, колыт, где он, этот колыт, нет его, потерял, бежать, бежать, бежать, огни Фергюссон-холла совсем рядом, видна лампа в окне, что-то огромное, горячее, смрадное наваливается из темноты, Эйкин отбивается...

Выстрел.

Еще.

Еще.

Бежит дворецкий, прихрамывает, кричит что-то, как вы там, сэр. Эйкин с трудом выбирается из-под мертвого тела, смотрит на убитое чудовище, нет, это не собака, это другое что-то, у собаки рогов не бывает, и копыт не бывает, и раздвоенного языка. Дворецкий ведет Эйкина в дом, усаживает на диван у камина, наливает бренди, Эйкин делает глоток, кашляет, потихоньку приходит в себя.

А где Аглая, спрашивает Эйкин. А пропала Аглая, говорит дворецкий. Это уже утром Эйкин спрашивает, он ночью у камина задремал, так автор хочет, автору жалко Эйкина, автор

думает, пусть Эйкин поспит. Эйкин не соглашается с автором, ничего, ничего, я сдюжу, я крепкий, что мне ночь не поспать, Эйкин бежит за дворецким в темноту ночи искать Аглаю.

Светает. Эйкин и дворецкий возвращаются ни с чем, на дороге у дома все еще лежат тела убитого коня и этого... не пойми, чего. Первый луч солнца падает на чудовище, Эйкин смотрит, не верит себе. Дворецкий смотрит, тоже не верит себе. Надо бы полицию позвать, говорит дворецкий. Надо, соглашается Эйкин. Идет в комнату Аглаи, сам не знает, зачем...

2

Эйкин ставит на стол свечи.

И два бокала.

Смотрит на календарь – сегодня будет Аглая.

Сегодня.

И еще, может быть, немножечко завтра.

А потом нет.

Кухарка готовит ужин, дворецкий собирает на стол, Эйкин задергивает шторы, чтобы никто не видел, что делается в доме.

Темнеет.

Всходит луна.

Сегодня полнолуние.

Аглая выходит из своей комнаты, поправляет волосы, видит Эйкина, кидается к нему, обнимает, целует. Эйкин наливает себе вино, колет руку, нацеживает кровь в аглаин бокал.

Сегодня полнолуние.

Сегодня Аглая.

Эйкин говорит Аглае, как они поженятся и заживут вместе долго и счастливо. Аглая делает вид, что верит.

Аглая спрашивает Эйкина, где он работает. Эйкин говорит, на Луне. А если серьезно, спрашивает Аглая. И я серьезно, говорит Эйкин. А где ты живешь, спрашивает Аглая. А на Луне, говорит Эйкин. И поет, как жил человечек на Луне. Аглая смеется. Не верит.

А сегодня полнолуния уже нет.

И Аглаи нет.

Эйкин надеялся, что Аглая еще хотя бы пару дней будет, пока уже не полнолуние, но почти-почти. А вот нет, сегодня уже без Аглаи.

Эйкин идет в покои Аглаи, видит, вот она лежит на постели, Эйкин целует девушку в холодный лоб. Оставляет белые розы в вазе на тумбочке. Уходит. Наказывает дворецкому хорошенько за Аглаей следить, в который раз говорит дворецкому, не виноваты вы, не виноват, кто ж знал...

Эйкин спешит, у Эйкина дела. Уходит прочь от дома, прочь от городка, улетает на Луну.

Эйкин живет на Луне.

И работает на Луне.

Начальник смотрит на Эйкина, хмурится, да что вы за моду взяли, раз в месяц отпрашиваться, кто работать-то будет.

Эйкин тоже хмурится. Хотел начальника попросить, теперь не попросит.

А начальник русским по белому спрашивает Эйкина, куда Эйкин раз в месяц ходит.

И Эйкин понимает, что не может молчать...

Сегодня полнолуние.

Аглая поднимается с постели, сонно потягивается, идет к окну, смотрит на полную луну, чуть подернутую туманом. Спускается в холл, там уже стол накрыт к ужину, и бокал с кровью, и дворецкий, а второго бокала нет. Аглая бледнеет, как так, почему нет, дворецкий руками разводит. Кухарка Аглаю утешает, ну что же вы хотели, моя госпожа, у него своя жизнь, у него работа, он сам говорил, весь в трудах... Аглая кивает, желает Эйкину найти хорошую жену, чтобы пекла ему булочки с шоколадом, и носки чтобы теплые покупала, у Эйкина по ночам ноги мерзнут.

Эйкин еще раз перепроверяет данные. Вроде бы все сходится, ох, уж это проклятущее вроде бы, сколько жизней загубило...

Включает ускорители.

Ничего не происходит, но это так и надо, чтобы ничего не происходило, если бы произошло, никого бы уже в живых не было.

Начальник шипит под руку, если чего случится, тебе головы не сносить.

Эйкин смотрит на экран, как будто за пять минут там что-то может измениться. Выжидает.

Показатели отклоняются. Сильнее. Сильнее.

Эйкин сжимает зубы.

...фазы Луны меняются из-за изменения освещения Солнцем... (устар. сведения).

Аглая просыпается.

Смотрит на календарь, не понимает.

Думает.

Спыхватывается, что не хочет ни думать, ни понимать.

Спускается в холл, где уже накрыто к ужину. Вздрагивает, когда видит на столе два бокала. А вот и Эйкин сидит, бледный, осунувшийся, видно, совсем его заморили на работе.

Жил человек на луне,

На луне, на луне,

Жил человек на луне,

Его звали Эйкин Драм...

Эйкин рассказывает, как они поженятся, и будут жить вместе. И спрашивает, как они будут, в церкви венчаться, или как, а то может Аглае в церковь нельзя. А еще Эйкин спрашивает, полетит Аглая с ним на Луну или нет, а то, может, Аглае тоже на Луну нельзя.

Аглая просыпается.

Смотрит на календарь.

Не понимает.

Думает.

Спыхватывается, что не хочет думать.

Хочет спросить у Эйкина, когда кончится полнолуние.

Не спрашивает.

3

Воскресенье, 17 октября. Полнолуние.

Добраться до замка (примечание – проверять крылья, прежде чем взять кэб)
Постараться узнать у Эйкина о смертях в городке.

Понедельник, 18 октября. Полнолуние.

Наведаться в городок, поговорить с местными жителями.
Разобраться, что за темную тень я видел в окне в три часа ночи.
Прикупить хорошего табаку.

Вторник, 19 октября. Полнолуние.

Не забыть: в 19:00 леди Мэнсуик придет на чай. Постараться узнать что-нибудь о смерти Баррета. Примечание: не потерять голову от любви.

Не забыть закрыть на ночь ставни.
Разобраться, что за статуэтку купил у старьевщика.

Среда, 20 октября. Полнолуние.

Разобраться, что за две красные точки на шее.
Послать за лекарем в связи с недомоганием Эйкина.
Разобраться, куда девалась статуэтка.

Четверг, 21 октября, Полнолуние.

Проследить за леди Мэнсуик.
Закрывать ставни во всем замке.
Сжечь статуэтку.

Пятница, 22 октября, Полнолуние.

Не могу писать... мысли путаются, рука не слушается меня...

Спрятать тело леди Мэнсуик. Примечание: не забыть: осиновый кол. Чеснок. Эйкин еще посоветовал повесить на труп серебряный крестик.

Послать за лекарем (зачеркнуто) Эйкин говорит, что лишние свидетели не нужны.
Остаться на ночь подле Эйкина.

Суббота, 23 октября. Полнолуние.

Переждать пару дней, когда закончится полнолуние.
Или попробовать выбраться из окна?

Забаррикадировать дверь. Или понадеяться на легенду, что вампиры не могут войти без приглашение. Или не надеяться. Или вспомнить, приглашал я Эйкина или нет.

Нет, все-таки выбраться из комнаты до кухни, восстановить силы, слишком много крови потерял...

Предупредить лекаря.

Воскресенье, 24 октября. Полнолуние.

Разобраться, почему уже целую неделю тянется полнолуние.

Спрятать лекаря, пока его не убил Эткин.

Понедельник, 25 октября. Полнолуние.

Убрать тело лекаря.

Поговорить с Эткином, что делать после перерождения.

Рассчитать, когда орбита луны менялась или изменится настолько, что фазы луны перестанут меняться.

Вторник, 26 октября. Полнолуние.

Наведаться в городок за продуктами. Спросить у Эйкина, нужен ли мне теперь табак.

Спросить у Эйкина, почему мы оказались в трехтысячном веке.

Еще раз просчитать орбиту Луны. Нет, все-таки трехтысячный век.

Среда, 27 октября. Полнолуние.

Пригласить заезжего детектива в гости.

Разузнать у Эйкина про другую расу.

Позже.

Спросить у Эйкина, почему он ничего не знает.

Спросить у себя, почему я не помню, что мы живем в трехтысячном веке.

Поискать что-нибудь в городском архиве...

5

– А тепло будет?

Это Аглая спрашивает. Эйкин не видит в темноте, но знает – Аглая спрашивает. Эйкин поворачивается на другой бок:

– Будет, будет.

– А когда?

Это снова Аглая спрашивает. Аглае холодно. Всем холодно.

Эйкин задумывается.

– Ну... через неделю где-то.

– Да ты с ума сошел, мы тут замерзнем все через неделю...

Эйкин сжимает зубы.

– Раньше никак.

Эйкин не знает, как объяснить Аглае, что если он, Эйкин, пойдет за теплом, то может и не вернуться. Предпочитает никак не объяснять. Считает, сколько их осталось, кажется, около пятисот. И еще Эйкин с Аглаей и Китти.

Вечером проверяют вентиляцию. Добавляют чуть-чуть тепла. Именно чуть-чуть. Тепло экономить надо, тепла мало осталось. Ничего, Эйкин обещал тепло принести.

Китти спрашивает у Аглаи, а как это, когда много тепла, а как это так раньше было, когда еще зимы не было. Аглая рассказывает, берет лампочку, поднимает над головой, вот это солнышко такое было, яркое-яркое. Явкое, повторяет Китти.

Эйкин уходит – от света уютных комнат вдоль по коридорам, вниз в тесной клетушке лифта подземелье. Эйкин садится в кресло, выходит из тела, это у Эйкина хорошо получается, выходить из тела, сигналами-сигналами поднимается в небо, в небо, в заснеженный холод, и дальше, в черный космос, там «Эйкин», тысячи тонн металла, вот к «Эйкину» -то и подключается Эйкин. Потихоньку привыкает к новому телу, потом приказывает «Эйкину» – вперед. Вперед – к звездам. И тут же командует – назад, только не по звездам назад, а по-другому назад, когда вселенная была еще совсем юной, а земли не было вовсе.

Эйкин ищет звезду.

Не какую попало, конечно, нарочно ищет звезду подальше от того места, где появится Солнце. Вт, вроде бы, подходит, да не вроде бы, а подходит. «Эйкин» вертится вокруг звезды, наматывает свет на себя, как нитку на веретено, сжимает свет звезды в тесный клубок.

Прядет звездную пряжу.

Из этой звезды Эйкин не первый год прядет пряжу, не первый год носит тепло в остывающий дом посреди зимы.

Сегодня Эйкин хочет размотать звезду до конца.

Совсем.

Дочиста.

Эйкин осторожно заглядывает в будущее звезды – на всякий случай.

Вздрагивает.

Так и есть, почему, почему, почему, не везет Эйкину, не везет, не везет, вот пожалуйста, не пройдет и нескольких миллиардов лет, как на одной из планет вокруг молодой звезды проклюнется жизнь...

Эйкин наматывает звезду. Говорит себе – он не видел этого. Не видел. не видел.

Эйкин идет вперед по времени. Потом назад домой. Домой. В дом, окруженный зимой. Несет тепло для очага, на радость Аглае, на радость Китти, на радость всем. Эйкин идет домой – а дома нет, что это, как это, почему дома нет, и Аглаи нет, и Китти нет, и Эйкина нет, то есть, еще немножко есть, но датчики показывают – сейчас не будет.

Эйкин не понимает, смотрит назад, не просто назад, а – Назад, смотрит на звезду, которую только что навертел на веретено, смотрит траекторию звезды, куда она полетит дальше, вернее, уже не полетит – понимает всё...

Две страницы

Один час двадцать минут.
Три часа пятнадцать минут.
Двенадцать часов.
Три дня.
Две недели.

Привет, говорит Анна.
Привет, говорит Алан.

Сегодня Анна и Алан будут вместе. Надолго ли, неизвестно. В прошлый раз они целых полмесяца были вместе. Алан высчитывал, они каждый раз вместе все больше и больше. Только это ничего не значит, сегодня может быть две недели, а в следующий раз – полчаса или вообще полминуты, как в первый раз, когда Алан толком и не понял, что это было, и Анна тоже не поняла.

На картинке Алан. А на другой картинке Анна. То есть, не Алан и не Анна, у них в книжке имен нет, это Алан их так назвал, потому что похожи. Вот человек стоит на фоне огромного мегаполиса, где облака проплывают на уровне верхних этажей, где город закручен сам на себя причудливыми магистралями – это Алан. А вот девушка стоит на балконе старинного дома, это Анна.

Когда Анны нет, Алан открывает книгу и смотрит.
Анна и Алан.

Нет, ну что вы, говорят в паспортном столе, какая она вам жена, вы сами подумайте, как она может быть вашей женой. А если я её сюда приведу, спрашивает Алан, и мы распишемся, спрашивает Алан. Ничего вы не распишетесь, отвечают в паспортном столе, она же не отсюда. И что, что не отсюда, ругается Алан, вам что, межрасовые браки не нравятся или межвидовые, или еще какие. Да не в этом дело, говорят в паспортном столе, а в чем дело, объяснить не могут.

А сегодня было всего двенадцать часов. Алан засекал.

Закрой, закрой, кричит Анна, бросается на Алана, захлопывает книгу, прячет на полку. Алан не понимает, вроде так хорошо в книге было, вот Анна, вот Алан, а Анне не понравилось.

А Анна говорит – закрой, закрой.

И никогда не открывай больше.

И Алана обнимает. Алан думает, надолго ли. Он еще не знает, что сегодня всего на полчаса.

А вот один лист, а вот другой лист, говорит Прозорович, это фамилия такая. И два листа складывает. А вот теперь они вместе, говорит Прозорович. А вот снова отдельно. Алан кивает. А вот два трехмерных мира, говорит Прозорович. Где, спрашивает Алан. Ну, один здесь, один там, говорит Прозорович. Вот они соединились, вот они вместе. А вот они снова порознь. Стоп-стоп, говорит Алан, не может такого быть, они друг на друга накладываются, но все равно порознь. Не может быть, говорит Прозорович. А есть.

Алан обнимает Анну, говорит – больше никогда-никогда не откроем. Никогда-никогда, соглашается Анна. Книга закрыта. А Анна с Аланом вместе уже три года. А в паспортном столе

все равно руками разводят, ну да не век руками разводить будут. Алан боится, надолго ли. Навсегда, говорит Анна. Как так, говорит Алан, ты что, договорилась с ними, что ли. Ага, говорит Анна. Алан смотрит на Анну и понимает, тут что-то не так.

Что ты с ними сделала, спрашивает Алан Анну, показывает куда-то вверх, вверх, что ты с ними сделала. С кем сделала, не понимает Анна. С ними, которые наши страницы перелистывали. Что ты, про что ты говоришь вообще, не понимает Анна. Алан смотрит на неё, видит – она все понимает. Алан тоже все понимает, что сделала Анна. Не говорит.

А сегодня умерли еще трое из тех, кто открывал книгу. Алан держит книгу, не открывает, нет, нет, нет. Думает бросить в огонь, да где здесь взять огонь, это у Анны камин в каждой комнате, а здесь огня днем с огнем не сыщешь. Алан не бросает книгу в огонь, что-то подсказывает ему, что так будет еще хуже.

Алан и Анна ложатся спать, Анна дует на светильник, пытается погасить, Алан смеется, щелкает выключателем. Вспоминает, вроде есть какие-то светильники, которые гаснут от дуновения, надо прикупить парочку.

Алан смотрит на книгу.

Думает, сколько им с Анной осталось.

Не знает.

Моя линия

Моя линия – скажет космос.

Не наш космос.

Другой.

Вот так посмотрит на нас и скажет – моя линия. А мы ничего не поймем, потому что по-космосовскому не понимаем. Пройдет много лет, а может, и тысячелетий, прежде чем мы поймем, что это значит – моя линия. Так скажет космос. Вернее, мы еще не будем знать, что это космос. Но мы об этом догадаемся, – пока не знаю, как. А может, он сам нам скажет, тоже не знаю, как. Скажет. Когда поймет, кто мы такие, а может, мы сами ему объясним...

(...и опять я не знаю – как. Ничего не приходит в голову кроме физических формул. А вот. Формулы. Мы ему скажем, что у нас постоянная Больцмана равна один, тридцать восемь, а он скажет, а у него – три и корень из минус трех. А у нас площадь круга пи эр квадрат. А у него площадь круга равна его периметру, поделенному на бесконечность. Да, там у круга периметр есть. А у нас два плюс два равно четырем. А у него тоже. Вот по этому самому тоже космос нас и узнает. Посмотрит на нас и скажет – моя ветка.

А вот как мы с ним встретимся, пока еще не знаю. Может, он сам нас найдет. Вот так будет ходить (или что он там делает) и высматривать (или что он там делает) космосы. Увидит другой космос, смотрит – если тот послабее окажется, космос его съест, ну, не съест, что он там делает, выстроит из его пространства-времени свое пространство-время. А если посильнее, то такой космос надо стороной обойти.

А мы слабые. А нас космос не съест. Почему? А потому что вот так посмотрит на нас, увидит, что два плюс два у нас тоже четыре и скажет – моя линия. И нас не тронет. Даже помогать нам чем-то будет, подкинет какие-нибудь свои технологии.

Или нет, все будет не так, мы сами этот космос найдем. Как найдем? Пока еще не знаю. Вот когда выйдем за пределы своего космоса, когда начнем изучать чужие миры, – откуда берутся, где живут, чем питаются. Будем смотреть самые старые космосы, которые появились давным-давно, самые первые, в них постоянные еще все какие-то непостоянные, вообще никаких постоянных нет, вот первые вселенные долго и не живут, рассыпаются в прах. Перемешиваются константы и правила, рождаются и умирают миры, миры, миры, и тут бац – неожиданно-негаданно вспыхивает мир, у которого постоянная Планка равна один, ноль пять, и... и живет. Живет на какие-то миллисекунды дольше других миров, разрастается на какие-то миллиметры пошире, выпускает росток, росточек, росточек, из которого проклюнутся новые космосы. Поживут-поживут, исчезнут, а вот в одном космосе что-то сбилось, и Пи стала равняться не чему попало, а три и четырнадцать, и сколько там дальше еще. И вселенная живет. Чуть дольше. А вот еще что-то перемешалось, выпало случайно – эм-це квадрат. И еще дольше вселенная живет, еще больше от неё росточков...

Этих-то миров давно нет уже, от них одни отпечатки остались в пустоте. Вот как умирает какой-нибудь трилобит, и останется от него отпечаток в песке. Вот такие же отпечатки остаются от умерших космосов.

А мы их смотрим. Изучаем. Космосы, которые были. Космосы, которые есть. Космосы, которые будут. Там-то и увидим его. Космос, которому нет равных. Потому что раньше мы смотрели на космосы, а теперь космос посмотрит на нас.

Посмотрит-посмотрит и скажет:

Моя линия.

Почему его? Потому что тоненькая-тоненькая ниточка от нашего мира тянется, вырастает в другой космос, в третий космос, а там и в космос, на который можно не только смотреть, который сам смотреть может.

А потому без нашего мира где-то там далеко в будущем тот космос не получится.

Вот он нас и не трогает.

Вот он и смотрит на нас и говорит:

Моя линия.

Стоп-стоп-стоп, ничего мы не увидим, никакой космос, потому что мы где, мы вот они, здесь, сейчас, а тот космос будет через мириады лет, когда от нас уже даже памяти не останется. Значит, мы его не увидим. И он нас не увидит. Или нет, что-нибудь придумаем, мы выйдем за границы не только нашей вселенной, но и времени, или телескоп какой сделаем, чтобы через время смотреть. Или тот космос по другим космосам хаживать научится, не только по тем, которые есть, но и по тем, которые были, и которые будут...

А как я умру?

А вот. Нет, нет. Мы сделаем телескоп, который будет смотреть через время. И через вселенные. И поглядим. И увидим. Потому что однажды космос посмотрит на нас и скажет... нет, уже не – моя линия, а —

А как я умру?

Потому что мы видим будущее, а он не видит. И мы будем исследовать, мы будем заглядывать туда, вперед, вперед, и найдем тот момент, когда космос погибнет, поглощенный другой вселенной, сильной, мощной, для которой могучий космос – малая песчинка, пылинка, искорка, которая пойдет большой вселенной на запчасти...

И мы это увидим. Там, впереди. И долго не решимся сказать космосу, как он умрет. А космос сам догадается. Спросит нас, правильно ли он догадался. И мы ответим – да.

Вот так:

Да.

Космос больше ничего не спросит. Мы сами догадаемся, что он хочет спросить. И мы сами будем искать, откуда взялась та большая вселенная, как сделать, чтобы она не взялась. И не успеем найти, поймем раньше – когда вселенная-победитель разлетится в прах. Так разлетаются в прах те, кто убил в прошлом самого себя или своего прародителя...

И мы скажем космосу, что нужно делать. А все очень просто, выискать эту веточку, из которой пробьется новая вселенная, веточку и зарубить. И все будет хорошо.

А космос не захочет рубить веточку, а космос будет искать ту, большую вселенную, чтобы сказать ей, что она – его линия, и рассказать, что такое – его линия. И мы тоже будем искать ту вселенную, чтобы сказать ей...

...или нет. Мы не успеем найти большую вселенную, она опередит нас, она сожрет космос, а потом и нас сожрет, и ничего мы не сделаем, ничего-ничего...

...или нет. Ничего, ничего, ничегошеньки-ничего мы не найдем, ни той, большой вселенной, ни того космоса, потому что мы не можем выйти за пределы своего мира, запертые в клетку трех измерений.

И космос не скажет нам – моя линия.

Никогда.

Хотя... откуда-то же я все это знаю, верно? Знаю. Про другие космосы, про константы, про вымершие вселенные, про те, которые будут... Так откуда же? Значит... значит, я могу смотреть туда? Значит... значит, я вижу другие космосы? Значит, уже не нужно изобретать никакие телескопы? Значит... они уже есть? Это хорошо, что они уже есть, а то времени-то мало осталось, сижу на последнем этаже высокой башни, смотрю на выжженную пустыню за окном, на раскаленное солнце в полнеба, уже не надеюсь найти людей, я знаю, что их нет, ищу, как можно увидеть ту вселенную, чтобы он посмотрел на меня и сказал – моя линия.

Кусочек Лондона

Еще целый час Жила и Лондон будут вместе – то есть, не Лондон, конечно, только мечты о Лондоне. Все уже разошлись, дома сидят, чай пьют. Ничего, Жила еще часок поработает, еще сто единиц получит. Целых сто единиц, а за месяц будет три тысячи единиц, а за полгода... три на шесть... это... целых восемнадцать тысяч. Эдак и на Лондон хватит.

У Жилы еще целый час на Лондон.

Мечутся руки Жилы, расплетают реальности и миры.

Жила несет реальности на мельницу. Восемнадцать тысяч несет.

Жила протягивает восемнадцать тысяч, руки Жилы дрожат. Повар смотрит недовольно, хмурится, сейчас скажет – мало.

Повар не говорит – мало, нехотя отрезает кусок Лондона, хороший кусок, лакомый, маленький, правда, ну да что поделывать, на восемнадцать-то не поешь...

Жила ест, осторожно, бережно, тут, главное, не наброситься сразу на кусок, Лондон все-таки, уважение иметь надо.

Люди смотрят, как повар разливает по тарелкам время, ссорятся, ругаются, аа-а-а, ему больше, а мне меньше, повар тоже ругается, будете ругаться, вообще ничего не получите.

Жила протягивает двадцать тысяч.

Ждет.

Вертится мельница.

Повар подсчитывает, недовольно фыркает, наконец, отрезает тонюсенький кусочек Лондона.

А как Жила хотела, Лондон-то подорожал.

Жила хмурится, Жиле не нравится, а чего Лондона так мало, не наешься даже, им вообще никогда не наешься, а так особенно. Повар плечами пожимает, а вы как хотели, ну возьмите подешевле чего, Париж, например.

Жила смотрит на повара, повар худой, как щепка, всех кормит, сам не ест, самому ему не положено, самому ему что останется.

Жила просит Париж, кусок пожирнее. Повар отрезает Париж, хороший Париж, с салцем даже. Жила режет Париж пополам, половину себе, половину повару.

Первый раз на хмуром лице повара какое-то подобие улыбки.

Повар и Жила лежат в темноте, обнявшись, повар вспоминает, погасил время или не погасил, а то ведь сбежит время, выкипит все.

Снаружи на улице люди шумят. Повар спрашивает, а чего шумят.

А восстание у них, говорит Жила, требуют время себе. И Париж весь. Чтобы с салом.

Повар прислушивается через стены мельницы, кивает, ничего, пошумят и перебесятся, мы тоже такие по молодости были. Смеется, это ж сколько намолоть надо на целый Париж, и чтоб с салом.

Жила засыпает. Жиле снится Лондон.

Воспоминание о Вальсе

Бежит каньон по пустыне, принюхивается. А скоро луна на землю упадет, не век же ей висеть, луне-то.

А дай мне свою руку, просит Пагода, ну что тебе стоит. Не дам я тебе свою руку, говорит Снег, не дам, как же я без руки-то буду. Ну, дай руку, просит Пагода. Она же не совсем твоя рука-то, она же и немножко моя. Не дам я тебе руку, не соглашается Снег. Ну, дай, она сама ко мне хочет. Ну не дам, не хочет она к тебе. Ну, дай. Ну ладно, возьми. Пагода берет у Снега руку, договор подписали, все как полагается. Теперь у Пагоды рука есть. Год прошел, два прошло, десять лет прошло, а рука умерла. Глупая, глупая Пагода, говорит Снег, что ты наделала, говорил тебе, не трогай мою руку, а ты её загубила. А пагода руками разводит, не хотела этого Пагода.

А куда Месяц делся, спрашивает кто-то (вроде бы Пагода).

И тут же все спохватываются, а-а-а-а, а правда, где Месяц, был Месяц, и нету. Вот земля Месяцева, вот дом Месяцев, а Месяца нету, души Месяцевой нету. Кто загубил? Тут все разбираться пошли, что с Месяцем такое. Поискали, пошукали – Пагода крыльями хлопает, Замок смотрит сквозь очки, Снег принюхивается, поводит усами, Каньон говорит, что кто это сделал, дорого заплатит за свой поступок. Все волнуются, ищут улики, а вот и улики, явились не запылились, следы чьей-то души, тыква с прорезанными глазами, а вот силуэт женщины во всю стену огромной высоты, а вот сияющий стробоскоп в ночном небе... И все на Каньон смотрят. Все. Разом. Каньон сердится, Каньон хмурится, что вы на меня так смотрите. Да как же, говорят все, это же твое все, и тыква, и кукурузное поле насколько хватает глаз, и стробоскопы... Каньон не соглашается, Каньон сердится, что вы несете вообще, да у вас у всех кусочки моей души, по всему миру, и Титаник, и Аватар, и картошка фри, и много еще чего, а вы говорите... ну ладно, поверили, а все равно на Каньон косо смотрят...

Нет, так-то их не пятеро – Снег, Пагода, Замок, Каньон, Месяц, – так-то их больше. Вот там, где Замок, например, там Плющ есть, и Орлой, и Круассан, и Вальс, и Валькирия, и Туман, и много еще кого. Где Пагода, там и Дракон есть, и Тигр, и Ганг, и Белый Храм. А... да много чего есть, всего не перечислишь. Вот так Плющ и Орлой, и Круассан, и Валькирия, и Вальс, и прочие объединяются, Туман посмотрит-посмотрит, подумает-подумает, тоже к ним придет, а что, вместе-то веселее.

Орлой приходит в себя, Орлой думает, кто он, что он, вспоминает, что он – Орлой, и время показывает. Ну, конечно, не только Орлой, еще и кнедлики, еще Совиная Мельница, еще две башни, еще Вепрево Колено, еще фигуры из стекла, еще три черта со скрипками, еще дефенестрация, еще много еще чего. И вот Орлой просыпается, спрашивает себя, кто он, что он, осторожно обнюхивает себя, и Вепрево колено, и Дефенестрацию, и Черта на Совиной Мельнице. Ходит Орлой, смотрит, гуляет по белу свету, разглядывает, чего да как. А тут что-то непонятное впереди, вроде уже не Орлой, уже другое что-то, а что другое, а вот – Вальс. Ну, конечно, не только Вальс, Штрудель еще, и Шницель еще, и Марципан еще, и много еще чего. Орлой выгибает спину, шипит, Вальс отзывается глухим рычанием, обнюхивают друг друга, вспоминают что-то, давно забытое, Вальс лижет морду Орлая, поводит длинными усами.

Каньон останавливает свой стремительный бег, замирает. Или Койот. Он сам не может толком понять, Каньон он или Койот. Принюхивается, прислушивается, не может понять,

что же привлекло его здесь, в пустыне. А вот, белые кости на красноватом песке, длинная закатная тень от ребер, оскаленный череп с редкими зубами. Каньон, он же Койот обнюхивает скелет, много таких скелетов находил Каньон. Задумывается о чем-то, пытается что-то вспомнить, не может.

А сегодня Пагода пропала, вот так была-была и пропала. Это Снег заметил, пришел к Пагоде, уж не помнит, зачем пришел, соли занять, да зачем Снегу соль, или там еще чего, чует – а Пагоды нет. То есть, стоят пагоды, а Пагоды – нет. Ушла душа Пагоды, будто бы и не было, только след души остался. Каньон пришел, и Замок прилетел, волнуется, как же так, была Пагода, и нету, и на Снег косо смотрят, это Снег туда ходил, как бы он плохого чего с Пагодой не сделал. Снег отнекивается, как я вообще могу чужую душу забрать, как вы это себе представляете вообще. А никак не представляем, ты и виноват, говорит Каньон, вон, следы твои повсюду, и огненная вода, и деревянная ложка, а вы что хотели, не соглашается Снег, рядом живем, тут на границе и не поймешь, где я, где он. Ты виноват, ты, кто ж еще-то, говорит Каньон, это ты на Пагоду обиделся, что она у тебя руку попросила. Каньон сердится, и Снег сердится, ощериваются, оскаливаются, хотят кинуться друг на друга, – память опережает их, память снова наваливается снежным комом, подсказывает что-то, было такое, было, искривленные от жара остовы зданий, оплавленная черная земля, тени на стене, просто тени, без ничего. Снег и Каньон остывают, успокаиваются, расходятся.

Замок идет к востоку, посмотреть, чего там такое, там еще Замок или уже не Замок, другое что. Вроде Замок, вот здесь еще немножко Замок, а вот тут уже другое что-то, и сейчас бы уйти, отступить от этого другого чего-то, а Замок не отступает, осторожно вышагивает по мерзлой земле, принюхивается, прислушивается. Вспоминает какие-то правила приличия, несет цветы, и вепрево колено несет, ну, не колено, конечно, воспоминание о колене, и о цветах воспоминание, и о сыре, знатный у Замка сыр, и о пудинге воспоминание. Замок идет, вздрагивает, подсказывает, смотрит вперед, ощеривается всеми своими башнями, боится, не понимает, что он видит, а видит – Снег. Ну, конечно, не только Снег, там и Белая Ночь, и Черный День, и Кудыкина Гора, и Красные Звезды, и деревянная ложка, разрисованная красивыми птицами. Снег смотрит на Замок, Снегу нравится Замок, вон какой красивый, Снег и не знал, что такие красивые замки бывают. И фахверковые домики Снегу понравились, и пряничные домики тоже, и сыр, который без плесени, а который с плесенью, тот Снег не понимает. Снег и Замок приближаются друг к другу, обнюхивают, Снег ловит незнакомые запахи вальсов, пудингов, туманов, легенд. Снег принюхивается, вспоминает что-то – не сам, воспоминания наваливаются тяжелым комом, биз уже здесь Замок, что-то нехорошее было с этим Замком, огонь, кровь, смерть, боль, трупы, вмерзшие в снег. Снег рычит, скалит острые зубы, бросается на Замок, рвет, ловит, кусает, катятся кувырком по заснеженной земле два существа, белое поле обгагрывается кровью. Снег спохватывается, когда его челюсти уже сходятся на горле Замка, вспоминает, давно же это было, давным-давно, еще когда не светило закатное солнце на частоколы ребер, бросая на снег длинные тени...

Снег обнюхивает Замок, согревает Замок своим теплом.

Зима приходит, еще такая зима, за которой придет весна, а скоро придет Зима, за которой долго-долго не будет весны, вот и смотрят все, еще зима или уже Зима. Снег в этом году рановато выпал, так что как бы не Зима. А Снег всех успокаивает, да не будет еще Зимы, что вы, в самом деле. А Месяц пропал, это да, хороший был Месяц, колодцы, арыки, мечети, небо в алмазах, а вот теперь Месяца нет. И все на Каньона косо смотрят, были же следы Каньона там. А вот Пагода пропала, тоже было, была Пагода, и нету, и все на Снег смотрят косо.

А скоро луна на землю упадет, не век же ей висеть-то, вот и упадет, и землю раздавит. И уже не будет ни Пагоды, ни Замка, ни Каньона, ни Снега, ни Месяца, ничего. Надо что-то делать, говорит Каньон, а может, Койот, кто его знает. Надо что-то делать, соглашается Снег. И Пагода. И все-все. А вот зима скоро, а вот птицы собираются в стаи, улетают на юг. А надо тоже в стаю собраться и улететь. Так Снег говорит. А что же делать, говорит Замок, у нас крыльев-то нет, откуда у нас крылья-то. А ничего, говорит Снег, мы крылья придумаем. Снег вспоминает что-то, перетряхивает свою память, ну же, память, глупая память, что ты молчишь, скажи что-нибудь. Память подсказывает что-то странное, непонятное, металлический шарик, из него четыре спицы, пик-пик, пик-пик, зачем, зачем. Память подсказывает еще что-то, Снег роется на своей земле, ищет, вот стальная стрела, рвущаяся в небо, что-то там есть под этой стрелой, Снег смотрит, что там есть, а вот и память, как делать крылья, вот так вот мы крылья сделаем и улетим отсюда. Улетим, соглашается Каньон, улетим, говорит Замок, Пагода ничего не говорит, думает – улетим, Месяц ничего не говорит, думает – улетим.

Зачем ты забрал у меня сердце, говорит Снег, это он Замку говорит. Что ты, отвечает Замок, знать не знаю ни про какое сердце, что мне, делать больше нечего, чужие сердца воровать. Украл ты мое сердце, украл, сокрушается Снег, смотрит в свое сердце, а там Мартовский Заяц, и Безумный Шляпник, и Вальс, и много еще чего. Знаю я тебя, говорит Снег, пробираешься в чужие сердца, а там и похитишь сердце чужое. Снег в гневе вырывает свое сердце, бросает в снег, сжимает зубы от нестерпимой боли. Замок охает, Замок боится, вот это Снег, взял и вырвал свое сердце, чтобы Замку не досталось. А Снегу что, у него на месте вырванного сердца другое вырастет. Вот сердце и выросло новое, Снег смотрит – а там опять Мартовский Заяц, и Штрудель, и Вальс, да что ж такое делается, коварный, коварный Замок...

А Орлой пропал, вот этого вообще никто не ожидал, что Орлой пропадет. Ну, не только Орлой, конечно, но и Черт на Совиной Мельнице, и три черта со скрипками, и Вепрево Колено, и изящные фигуры из стекла, и все-все пропало. Вот так вот Замок утром просыпается, смотрит – а нету Орлая, и Колена Вепрева нету, как теперь без колена-то. Идет Замок туда, где был Орлой, смотрит, ищет, вынюхивает, что случилось. Смотрит, видит, а это еще что такое, кусочек белой ночи и Кудыкиной Горы. И тут все всполошились, и Вальс, и Туман, и Круассан, и все, все, и орут – Снег, Снег Орлая забрал... и Снег говорит, а я-то тут при чем, не при чем я совсем. А все говорят, Снег, Снег виноват. А наутро Замок пропал, вот так, совсем. Тут уже Каньон рассердится, что такое, где это видано такое, Замок пропал. И на Снег сердится. А Снег на Каньона сердится, говорит, это Каньон виноват. И ходят по полю, где Замок был, и по другому полю, где Месяц был, и по третьему полю, где Пагода была, ищут улики, не находят. Снег волнуется, Снег ждет, как бы Каньон на него не кинулся, – нет, не кидается Каньон, помнит Каньон про оплавленную землю и тени на стене сами по себе.

И вообще, говорит Каньон, некогда нам тут, так недолго и луна на землю упадет, так что давай крылья доделывать, куда же без крыльев-то. И то правда, говорит Снег, и идут они крылья делать. Хорошие получились крылья, всем крыльям крылья, маленькие только, на двоих не хватит. Ну да ничего, говорит Снег, мы и большие крылья сделаем, лиха беда начало. Ночь наступает, ночью вообще боязно как-то, еще бы не боязно, кто-то же извел Месяц, и Пагоду, и Замок, кто-то ходит-бродит по белу свету, ищет души. Волнуется Снег, не спится Снегу, а тут нате вам – сигнал бедствия от Каньона. Вот так, ни с того ни с сего – сигнал бедствия. Снег бежит, Снег спешит, Снег спотыкается, падает в снег, спешит. Вот и земля Каньонова, а где Каньон, а нету, а это что такое за сияющая стрела поднимается в небо, вот так, забрал Каньон крылья, улетел Каньон.

Снег смотрит вслед Каньону, тут только и осталось, что вслед смотреть. Вот поднимается Каньон, высоко летит, взмахивает крыльями, раз, другой, третий, кувыркается, падает, нехорошо как-то падает, взлетел-то он завтра, а упал вчера, бывает вот такое. Упал вчера, когда еще Пагода была, и Замок был, и Месяц был, и вот прямо на Месяц-то Каньон и упал, вот оно как. Был Месяц, и нет Месяца. Это вчера было, а сегодня все спохватятся, что Месяц пропал. А завтра Каньон крылья украдет и улетит.

А луна на землю упадет, не век же луне висеть-то. Ну да ничего, Снег новые крылья сделает, куда он денется. Трудно, конечно, ну да что делать, куда деваться. Попробовал Снег крылья и полетел. А тут и луна на землю упала, не век же ей висеть. Смотрит Снег – а земли нет, и луны нет, и Месяца нет, где-то теперь Месяц с танцующими суфиями и минаретами, и Замка нет, где-то Замок с привидениями и страшными легендами, и Пагоды нет с колокольчиками и мандаринами, и Каньона нет с залитыми зноем кукурузными полями и фонариками в тыквах. Где-то все это теперь... Думает Снег, смотрит на себя, на свое сердце, ну да, конечно, глупый, глупый Снег, как же сразу не догадался, вот же оно все, в сердце, и Мартовский Заяц, и Вальс, и Вепрево Колено, и Колизей, и стробоскопы в ночном небе, и колокольчики с пагодами, и сакура, и танцы суфиев...

Снег вспоминает, заглядывает во вчера, забирает из вчера Месяц, и Пагоду забирает, а там и Орлоя забирает, вот как, и весь Замок. Крылья-то большие, Крыльев на всех хватит.

Снег спохватывается, Снег оглядывается, чего-то не хватает, а, ну да, тыквы с фонариком внутри, детей на крыльце – сладости или гадости, Каньона не хватает, вот чего. Снег хочет вспомнить Каньон, поймать Каньон, – не может, не получается, летает Каньон по небу, ищисвищи...

Башня до бури

Можно оставить им знак солнца – вот так, точка и кружок. Нет, нет, нельзя оставить им знак солнца, не пойдет.

Или знак ветра. Стрелка, направленная... куда? И как они поймут, что это именно ветер, а не стрелка показывает куда-то... куда-то...

А вот. Две волнистые линии. Ветер. Или это вода. Ну, конечно, вода. Только им что ветер, что вода, они не понимают.

А вот. Знак луны. Это они точно поймут, знак луны, надкушенный круг, посмотрят на небо – и поймут. Только на хрена им этот знак луны, знак луны им ничего не даст.

Крест... и что крест? Предыдущие оставляли крест, и что это значило, мы так и не поняли, что они хотели сказать этим крестом.

Смотрю на полотно, где буря уносит величественный город, молюсь, чтобы время пощадило краски.

Последний порыв ветра рушит башню, пол уходит из-под ног...

...а вот. Оставить им рисунок, вырубленный в скале. Еще раз смотрю на полотно, вроде бы все пририсовал, вот рыбы выходят из моря, вот человек делает копьё, вот строят дом, вот крылатая машина поднимается в небо...

Поймут.

Должны понять.

Просто обязаны понять.

Да ничего они не обязаны, мы вот тоже смотрели на эти полотна, где из глубин огромного города выбивались крылатые ракеты, – смотрели, охали, ахали, ух ты, как древние рисовали, да какие, к ядерной фене, древние, мистификация все это... Вспоминаю, пришло хоть кому-нибудь в голову, что это не просто картина – да как бы не так, только охали и ахали. Так и хочется написать большими буквами через всю картину – не выдумка...

Дочерчиваю рвущуюся в космос ракету – когда порыв ветра уже рушит башню...

...только эти рисунки на камнях ничего им не дадут, ничегошеньки-ничего. Я уже знаю, мы уже сами через это прошли, смотрели на картину, ничего не понимали, даром, что все так точнехонько прорисовано, рыбы выходя на сушу, люди строят города... и ничего это не даст, потому что каждый раз новые рыбы, не похожие на старых, и города, не похожие на предыдущие, и много еще чего.

Порыв ветра...

В отчаянии рисую две группки людей, с копьями нападающих друг на друга, перечеркиваю рисунок, может, поймут, что некогда тратить время на всю эту ерунду... Хочу пририсовать еще что-нибудь, айфоны какие-нибудь или машины, тут же спохватываюсь, они-то тут в чем провинились...

Порыв ветра...

Пол уходит из-под ног...

Не успею, уже знаю, что не успею, все-таки отчаянно докручиваю винтики, так, так, ракета почти готова, вот это проклятущее Почти...

...бешеный ураган сметает все на своем пути...

Нет, раз на раз не приходится. Иногда успеваем только-только выбраться из воды, неумело поползти по земле. Иногда – чаще всего – успеваем построить город. До ракеты доходит крайне редко. Пару раз было так, что вообще ничего не успело появиться, медленно-медленно копошились в прибрежной грязи – но их унес ветер.

Спрашиваю себя, поднимался ли хоть кто-нибудь в небо – не нахожу ответа. И уже не найду, не успею, и так всю жизнь потратил на то, чтобы разобрать все это...

...порыв ветра...

...смотрю на знаки, что-то они значат, черт возьми, не могут они ничего не значить, будь я проклят, если не найду...

...будь я проклят...

Иногда мне снится, как я поднимаюсь к звездам.

Иногда.

Последнее время – все реже.

...выхожу с распродажи, ловлю себя на том, что слишком долго не вспоминал про ракету – циклов десять, а может, и больше. Надо было что-то делать, надо было что-то вспомнить, но я не помнил – что.

Не хватило одной минуты.

Не хватило полминуты.

Не хватило 45 секунд.

Не хватило 23 секунд.

Не хватило 19 секунд.

Не хватило 1,5 минуты.

Не хватило 7 секунд.

8 секунд.

7 секунд.

5 секунд.

8 секунд.

7 секунд.

...потом сорвался, выдохся, плюнул на все и на вся, неплохо обустроился в городе, даже дом себе прикупил. Обещал вернуться к ракете в следующий раз. И в следующий. И в следующий. И...

Не хватило 20 лет.

Не хватило 24 лет.

Не хватило 12 лет.

Не хватило...

Хотел подсчитывать минуты, понял, что тут нет смысла считать даже дни. Смотрю на записи, не верю себе, как пять секунд, смотрю на эти пять секунд, как на потерянный рай...

...гравитация хочет разорвать меня насмерть, не вижу, но догадываюсь, что земля остается где-то там, там...

– Еще один.

– Упустили?

- Ну....
- И куда вы смотрели, я вас спрашиваю?
- Я...
- О-ой, горе мое, давайте, вычеркивайте...
- Ага, есть...

Серебряная стрела разлетается на осколки.

- Черт... вычеркнули уже?
- Ну...
- Ну что с вами поделаешь... теперь перепечатывать всё...

Город с качелькой

0

А я построю город на Луне.

Это когда меня спрашивали, кем я хочу быть, что я хочу делать.

А я говорил:

– А я построю город на Луне.

И все охали, ахали, ах, какой мальчик умный. Ну, это поначалу все охали-ахали, лет до десяти, потом-то началось, а-а-а-а, ты бы про учебу поду-у-у-ма-а-а-ал, а ты – ы-ы-ы...

А я.

А я построю город на Луне.

1

...визг тормозов...

Рев клаксона...

Делла вырывается из-под колес, каблук поломала, каблук-каблук-каблук, ковыляет прочь, кто-то сзади орет, куда под колеса прешь, ответить бы ему что-нибудь такое, обидное такое, да некогда, да не до того, да пошел он...

Делла спешит, надо домой, прочь-прочь-прочь с промозглой улицы...

Люди в форме выходят из темноты, ведут за собой неприметного человечка, вопросительно смотрят на него, он показывает на Деллу.

Делла хочет спросить – а что такое, не успевает, люди стреляют, все, разом, мир летит кувырком, Делла падает, чер-р-р-рт, больно, бежать-бежать-бежать, легко сказать – бежать, это от хулиганов от каких-нибудь убежать можно, а тут стреляют, а тут...

Второй каблук летит к чертям, Делла бежит босиком, разбрызгивает лужи, что-то вонзается в ногу, чер-р-р-т, больно, бежать-бежать-бежать, и не остановишься, и не спросишь уже, что я вам сделала, не спросишь...

Визг тормозов.

Свет фар за пеленой дождя.

Распахивается дверца, слабый шепоток:

– В машину. Быстро.

Делла шарахается, как черт от ладана, Делла слышала страшилки какие-то, как девушек в машины затаскивают, но чтобы вот так, чтобы среди бела дня...

– Дура ты, хочешь, чтобы пристрелили тебя к ядерной фене?

Делла прячется в машину, хлопает дверца, автомобиль срывается с места.

– А... спасибо.

– Да не за что.

– А мы куда?

– А домой.

– А домой куда?

– А на Луну.

– А если серьезно?

– И я серьезно...

– А тама города есть?

Малява показывает на здоровенный диск Луны над башнями.

Киваю:

– Будут.

– А ратуша будет?

– И ратуша будет.

– А парк будет?

– Будет, будет.

– А качелька будет?

– И качелька будет.

– А... а мы с тобой будем?

– И мы будем.

2

– Документы ваши.

Келлер еще надеется проскользнуть мимо поста, еще надеется, что все обойдется, что не ему это крикнули, не ему...

Гражданин, документы ваши...

Келлер оборачивается. Обреченно подает руку, как всегда спрашивает себя – почему руку, вроде как в голове это должно быть, да ничего оно не должно...

Страж порядка хочет проверить сам, спохватывается, подобострастно смотрит на неприметного человечка в углу. Келлер настораживается, где-то он видел этого человечка, где-то, где-то...

Черт...

Неужели сам...

Спину прошибает холодный пот, вот только этого еще не хватало... Келлер отчаянно пытается вспомнить, что делать в таких ситуациях, есть какие-то советы, подумайте о чем-нибудь приятном, вспомните что-нибудь хорошее из своего детства, как назло, только плохое вспоминается, и приятного ничего, ну не считать же за приятное вон, в витрине самолет игрушечный, это хорошо, но не настолько хорошо. Да и вообще, кто сказал, что это помогает, тут больше на уровне суеверий, чем конкретных советов...

Келлер протягивает руку.

Сам сдержанно пожимает руку Келлера, смотрит, нет, не так смотрит, как обычные люди смотрят, а по-своему смотрит. И враки это все, ничего у него глаза не закатываются, и не светятся, и кровь из носа не течет, и не бьется он в конвульсиях, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.